

МАРИНА
ЛЫДЕНБЕРТ

Заклятые супруги
ТЕМНЫЙ РАССВЕТ

16+

Марина Эльденберт
Заклятые супруги.
Темный рассвет
Серия «Леди Энгерии», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48447228
SelfPub; 2019*

Аннотация

Все, чего я хочу – быть с мужем и дочерью. Но прошлое так просто не отпускает: над миром уже восходит ядовитое солнце опасного заговора, а спецслужбы все крепче оплетают своими сетями. Когда даже самые близкие отказываются принять твой выбор, когда весь мир обернется против, все, что нам остается – не размыкать рук. Плечом к плечу, спина к спине отстоять свою любовь. Свою семью. И право на счастье.

*Читателям с Litnet, которые были с Терезой и Анри
от «Золотой мглы» до «Темного рассвета»*

Пролог

Надо же было этой грязной свинье его опередить! Жак Аркур скомкал бумагу и от души запустил ей в подставку для перьев, стоявшую на столе коллеги. Не далее как пару дней назад мерзкий ублюдок по имени Рено Фортискье написал откровенно слабенькую статью о пропавшей девушке, и Гранже прыгал до потолка, рассыпая комплименты, как коза горох. А ведь именно ему должна была достаться эта тема, именно ему, а не этому выскочке из глубинки, которую даже называть страшно. Единственное, чем тот мог гордиться – смазливая физиономия, молодость, да хорошо подвешенный язык, таким только мостовые места.

– Чтоб тебя... – Аркур достал из нижнего ящика стола бутылку и от души к ней приложился. Выдал замысловатое ругательство, во время которого от засохшего цветка на окне отвалился очередной свернувшийся трубочкой листок. – Чтоб вас всех...

К кому это относилось, он и сам толком не знал. То ли к более удачливому и шустрому Фортискье, то ли к энгерийской дамочке-некромагу, из-за которой главный редактор газеты «Ольвиж сегодня» утратил расположение к своему луч-

шему – без преувеличения и без ложной скромности – журналисту! Раньше только ему он поручал самые смелые и самые дерзкие темы, за которые Жак брался с исключительным энтузиазмом. Не смущало его ни копание в нижнем белье именитых, ни их грандиозные провалы или тайные грешки, которые с радостью смаковали в каждом доме.

Запачкать руки он не боялся: так уж устроен мир – людям гораздо интереснее читать о дерьме и рыться в нем, потому что по большому счету все они свиньи. Что надменные аристократишки, сколь древняя кровь не текла бы в их жилах, что рабочие из самого занюханного района. Разница между ними только в счетах: пока первые гнут нос, вторые исходят бессильной завистью. Вот только аристократишки оберегают свои тайны, как никто другой. Можно подумать, что Гранже этого не знает, да и как подобраться к этой энгерийской суке, когда его даже на порог в поместье де Ларне не пускают?

Сплюнув в грязно-серую пепельницу, где еще дымилась дешевая сигарета, Аркур поднялся и от души пнул стул, который с жалобным хрустом завалился на бок. Радовало только то, что и у проныр из «Вестника» полный ноль на эту тему. Больше, что они могут – пыхтеть о том, как опасна некромагия, особенно заключенная в бабах, у которых что ни час – новое настроение. Жак подхватил сюртук и вышел, миновал пустую конторку секретаря, вышел на улицу и запер дверь. Ночь уставилась на него светящимися глазами фонарей. Ольвиж готовился встречать зиму, а вскоре и новый год

– переход в эпоху электричества. В свое время Жак написал обалденную статью об электричестве, о перспективах развития, и все ему рукоплескали, и даже «Ольвижский вестник» звал к себе в штат. Тогда он отказался, потому что там нужно было начинать с низов, а здесь все было на блюде. И где теперь это «все»?

Эхо доносило шум типографских станков, готовящихся снабжать столицу свежими новостями. Ссутулившись, он вогнал голову в сюртук по самый подбородок, запахнул хлипкий шарф и быстро зашагал в сторону проспекта. Здесь лучше не задерживаться в такой час.

– Месье Аркур.

Голос раздался за его плечом, журналист вздрогнул и грязно выругался.

Только что ведь стоял один на пустой улице!

Обернулся – чтобы наткнуться взглядом на изящную фигуру, закутанную в плащ. Облегающие брюки заправлены в сапоги, плащ скрывает грудь. Но баба, как пить дать баба – не может быть у парня при таком росте такого тонюсенького фальцета. Она стояла так, что разглядеть ее лицо не представлялось возможным – в тени, чуть поодаль от фонарей. Те несчастные клочки света, что могли бы показать лицо, пожирал глубокий провал капюшона. В остальном женщина была закутана в черное с ног до головы.

– Чего надо? – огрызнулся Жак.

Он был пьян, устал и хотел домой – надраться еще больше

и завалиться спать до полудня. Завтра выходной, чтоб его, единственный выходной в этой адовой круговерти, в которой ему повезло родиться чуть больше тридцати лет тому назад. К тому же, его раздражало превосходство, с которым на него смотрела эта тень. А в том, что она смотрела с превосходством, не было никаких сомнений. Это выдавали расправленные плечи и поворот головы – за свою жизнь он сполна нагляделся на таких вот, как она. Богатенькие все смотрели так, а еще все они были до безумия заняты, когда речь заходила об интервью или о встрече. Но что богатенькая бабенка делает в этой части города? Одна.

– Вопрос в том, чего хотите вы.

Она приблизилась, и до него донесся тонкий аромат духов – резкие холодные нотки. От богачки веяло холодом, а еще у нее были странные глаза. Ярко-зеленые, слишком странные даже для привыкших сигналить по подворотням кошек, не говоря уже о человеке. Он еще не знал, что ей нужно, но уже чуял нутром, что наклевывается что-то интересное. Журналистское чутье не раз подводило его к сенсациям, разоблачениям, громким скандалам или убийствам. Несмотря на полицейских – эти еще большие сволочи, чем аристократы, на прессу смотрят как на тараканов, хотя сами всего лишь цепные псы закона. И прищемить им носы иногда бывает очень приятно.

– Судя по всему, у вас ко мне деловое предложение, – ухмыльнулся Жак.

От незнакомки по телу шла дрожь, но опасность и сенсация всегда идут рука об руку.

Женщина кивнула и, не говоря больше ни слова, быстрым шагом направилась по улице. Аркур огляделся по сторонам – не идет ли кто следом, а потом направился за ней. Они прошагали добрый квартал в молчании, она ни разу не остановилась и не обернулась. Так мог бы вышагивать привыкший к длительным переходам солдат, но не богатая девица. Да что говорить, у него самого с дыханием стало плохо – все-таки привычка курить до добра не доводит.

– Мадам... Мадемуазель... как вас там... куда мы идем?

– Сюда.

Жак не успел ничего понять – вскинутая рука пригвоздила его к стене, прямо в узкую щель между домами. Самое то для желающей пообжиматься парочки, вот только с этой змеюкой совсем не хотелось обжиматься: она наводила жуть одним своим присутствием.

– Вас ведь интересует история графини-некромага, месье Аркур. Как далеко вы готовы зайти?

Он чуть не взвыл от нахлынувшей радости, лишь усилием воли заставил себя остаться на месте и ничем себя не выдать. Кем бы ни была девица, ее эта история волновала не меньше. Возможно, она действительно могла помочь. Или же... об этом даже думать не хотелось... она здесь вовсе не за этим.

Жак напряг слух, но шагов на улице не было слышно: никто не шел по его душу, чтобы избавиться от чересчур до-

тошного журналиста. Но с этой минуты все равно стоит быть очень и очень осторожным.

– Если и так, – негромко произнес он, подбирая слова, – мое расследование зашло в тупик. Эти двое заперлись в Лавау, я пытался с ними поговорить, и...

– Вам не придется разговаривать с ними. Просто ненадолго отправиться в Маэлонию.

«Откуда вы вернетесь богатым и известным человеком».

Она этого не сказала, но Аркур услышал. Столь же явно, сколь увидел сияющее лицо Гранже и заголовки газет, статьи на первой полосе которых снова будут подписаны его именем. О да!

– Что-то я никак не пойму, о чем вы толкуете...

– О визите в нижние архивы Маэлонского Фонда Знаний.

На мгновение Жак забыл о жути, что наводила незнакомка. В нижние архивы Маэлонской библиотеки можно было попасть только по рекомендации кого-то из высшей аристократии. Там хранились летописи и древние знания, собранные со всего мира, на самых разных языках. Ему наверняка потребуется переводчик, чтобы разобраться в том, что она ему предлагает. Но что именно она предлагает? По ощущениям, глаза сейчас сияли не меньше, чем у нее.

– Мне понадобятся рекомендации.

– Здесь бумаги для вас и любого профессора-лингвиста, которого вы пожелаете привлечь к расследованию. – Женщина достала конверт. – Могу ли я на вас рассчитывать, ме-

сье Аркур? В вас достаточно сил, чтобы похоронить чету де Ларне?

Сил было достаточно, их придавала злоба. Слепая, бессильная ярость на всех этих чванливых аристократов, Фортескью и зазнаек из «Вестника». Такого запала хватит, чтобы похоронить графа с графиней и всю их родню вместе взятую, но сравниться с тем, что творилось внутри этой девицы, оно вряд ли могло. Станным был не только цвет глаз, ее взгляд вонзался ему в межбровье и выходил с другой стороны, словно жало стилета. За всю практику у него было множество информаторов, но эта... Запах подмерзшей плесени внезапно показался слишком резким, по затылку побежали струйки холодного пота.

– Можете, – голос внезапно сел и отказывался ему повиноваться. – Как мне к вам обращаться, мадам...

– С вас достаточно, что вы со мной разговаривали.

– Но я же должен знать, кого мне благодарить...

Бумаги легли ему на грудь, движение-молния, и в них уперся кончик кинжала. Странного, с рукоятью в виде чешуи. Одно неверное слово – и он с легкостью проткнет расположение неведомого благодетеля, легко войдет ему в грудь. Почему-то Жак в этом не сомневался.

Стена за спиной неожиданно стала еще холоднее.

– Отблагодарите меня тем, что уничтожите энгерийскую девку и забудете о нашей встрече. Автора рекомендательных писем, – ее голос сочился ядом, а глаза засияли еще ярче.

Хотя возможно, ему так просто показалось с перепугу, – тоже нежелательно упоминать. Мы друг друга поняли, Жак?

Она обратилась к нему по имени, а сердце оторвалось и ухнуло вниз.

– В-полне.

– Замечательно.

Кинжал исчез, бумаги поползли вниз, и Аркур едва успел их подхватить.

– Изучите генеалогию семейства Биго и историю герцогства де Мортен, – насмешливо произнесла незнакомка, – это поможет в вашей работе. И не затягивайте, пока новость еще горяча. Я очень, очень на вас рассчитываю.

«Постарайтесь меня не разочаровать».

Этого она тоже не сказала, но журналистское чутье не пропьешь.

Прежде чем Жак успел открыть рот, она уже скользнула на улицу. Он даже не услышал шагов, но когда высунулся следом, женщины и след простыл. Зато со стороны проспекта вывернул старенький экипаж. Лениво стучали о мостовую колеса и цокали копыта. Извозчик, сонный как осенняя муха, правил лошадьми и явно никуда не спешил. Разве что домой, в теплую постель к женошке.

Журналист рукавом отер выступивший на лбу пот, чувствуя, как под одежду забирается прохлада. Не простудиться бы! Сейчас это будет очень некстати. Ничего, если задуманное удастся, ему больше не придется считать каждый ливрэ,

ходить пешком и снимать квартиру в этом отстойнике, лишь по нелепой случайности именуемой домом.

Аркур шагнул под фонарь и извлек на свет рекомендации. Бегло пробежал взглядом, дернулся, когда наткнулся на подпись: «Его Сиятельство Флориан Венуа, граф д'Ортен».

Чтоб тебя!

Девушка со странными глазами отошла на второй план, а глаза Аркура чудом не вылезли из орбит. Он воровато огляделся, поднес бумаги к лицу, чтобы убедиться, что зрение его не обманывает, после чего спрятал во внутренний карман и поспешил домой.

Рекомендации племянника его величества, помощь демонницы со змеиными глазами, да хоть договор от самого Верховного! За сделку, которая поможет заткнуть за пояс всех выскочек и снова развернуть эту норовистую кобылу удачу к себе мордой, он готов расплатиться даже душой.

1

В Энгерии? Он хочет, чтобы мы уехали прямо сейчас?

– Я не могу! Винсент, это смешно. Вы понимаете, о чем просите?

Предположим, что мне удастся отложить дела в Равьенн, но Анри еще не до конца оправился после случившегося. Не думаю, что он будет свободно чувствовать себя в Мортенхэйме, да и я пока не готова говорить с родными о том, что

произошло. А в том, что говорить придется долго и много, я не сомневалась.

– Я не прошу.

Вот это уже не смешно.

– У моего мужа предостаточно дел в Лавуа, чтобы бросать здесь все и бежать в Энгерию по первому вашему слову.

– Ему и не придется. – Винсент сложил руки на груди, меж бровей залегла складка, не предвещающая ничего хорошего. – Со мной возвращаетесь только вы. Этот брак изначально был ошибкой.

– Я так не думаю.

Брат медленно повернулся к мужу: если бы взглядом можно было ранить, Анри бы уже истекал кровью.

– Как давно вы знаете о магии моей сестры, граф?

– Предлагаю поговорить обо всем в кабинете, де Мортен.

У Винсента дернулась щека, глаза полыхали углями. Тем не менее он кивнул. Я направилась было следом за ними, но Анри преградил мне путь.

– Останься здесь, Тереза.

– Но...

– Пожалуйста.

В его «пожалуйста» было не меньше стали, чем в сказанных братом: «Я не прошу». Сложив руки на груди, отвернулась, пусть что хочет, то и делает. Но меня тут же развернули лицом к себе и легко поцеловали в нос. Запястье похолодело – тогда как внутри у меня бушевал горячий пустынь-

ный ветер. В самом сердце Теранийской пустыни такие ветра нередко приносили с собой беспощадные бури, играющие обжигающим песком. И горе тому, кто не успеет добраться в укрытие.

Анри вышел, а я обхватила себя руками.

Нет, ну как он себе это представляет? Что я буду спокойно сидеть на месте, пока они там друг друга убивают?.. Не уверена, что сейчас это образное выражение: я слишком знаю этот Винсентов взгляд и еще лучше – легкий прищур мужа, проступающий через маску спокойствия. Даже если бы браслет мне ничего не подсказывал, и так все ясно.

Надо срочно что-нибудь придумать. Вот только что?

Идея пришла, как всегда, внезапно. Не такая уж и плохая, как может показаться на первый взгляд: эта ночь отметилась заморозками, наверняка, солнце еще не успело растопить корочки льда. Я вполне могу выйти прогуляться и поскользнуться, ну... скажем, под окнами его кабинета. Подвернуть ногу, например, а пока они будут разбираться с моей ногой, немного остынут.

А дальше разберусь уже я.

Сначала с одним, потом с другим.

Наскоро вытащила из шкафа накидку – некогда было тратить время на шарфы, пулей слетела вниз и выбежала из дома. Поправила волосы, набросила капюшон и поглядела под ноги. Да, поскользнешься тут, как же, разве что на собственном голом энтузиазме. Стараниями прислуги под бдитель-

ным оком Жерома все вокруг дома была расчищено не только ото льда, но и от всяких травинок-листиков, глазу не за что зацепиться.

Ладно, будем импровизировать. Не впервой.

Старательно делая вид, что наслаждаюсь звенящей осенней прохладой, я одарила улыбкой кучера экипажа, в котором приехал Винсент, и помахала нашему конюху. После чего подхватила юбки и степенным шагом, как полагается леди, решившей подышать свежим воздухом и взбодриться, направилась вдоль дома к окнам кабинета Анри. Не так уж долго туда было идти, но мне казалось, что я тащусь как охромевшая черепаха, которую накрыли медным тазом.

Ага, вот и они!

К моему счастью, шторы были не задернуты: муж и брат замерли друг напротив друга. Фух, успела! Но судя по сведенным бровям Винсента и дергающему запястье браслету, разговор уже зашел слишком далеко. Вот только никогда не знаешь, насколько. Я и отвлеклась-то всего на минуту – посмотреть, за что можно зацепиться ногой, чтобы «споткнуться», и за что рукой – чтобы безопасно упасть. А когда подняла голову, брат повел ладонью, и по кабинету прокатился поток магии армалов. То, что это был полог безмолвия, поняла уже когда рванулась вперед, ударила кулаком по раме, а носок ботинка угодил в невесть откуда взявшуюся ямку.

От души приложившись головой о стену, а потом щекой о стекло, успела только увидеть широко распахнувшиеся глаза

Анри, и медленно поползла вниз. Прямо по окошечку. Говорят же, никогда не пытайся обмануть жизнь... точнее, пытаться-то можно, но делать это лучше менее травмоопасными методами. Например, можно было сказать, что чем-нибудь отравилась. Хотя когда я говорила такое отцу, чтобы получить выходной от занятий магией, у меня в самом деле начинало крутить живот. А может, просто мне так везло?..

Эта и множество других странных мыслей посещали меня, пока я лежала, глядя в безоблачное осеннее небо, синее как ленточки в волосах Лави или платье, которое мне подарил Анри. Надо было подняться, но малейшая попытка заканчивалась молоточками в висках. Ленточки, кстати, летали перед глазами – странные, полупрозрачные, похожие на скрученные спиральки. Еще летали искорки-звездочки. До тех пор, пока не раздался топот, и их не затмили плавающие лица кучера и конюха, которые с какой-то радости наклонялись ко мне и почему-то кричали:

– Ма-ам! Ма-ам!

До меня как раз дошло, что это, должно быть, «мадам», когда кучер и конюх исчезли, а вместо них появились плавающие Анри и Винсент.

– Е-ре-а! – муж бережно подхватил меня на руки. – Акы, о лит?

Так мог звучать заикающийся арнейский, хотя предположительно, это было: «Тереза, как ты, что болит», – на чистом энгерийском, но уверенной быть не могу. Что-то у меня

точно болело, но я никак не могла понять, что: затылок или макушка. Да и ногу, кажется, я все-таки подвернула. Ощущение полета и подпрыгивания, когда Анри поднимался по лестнице, добавило неприятных ощущений: теперь меня еще и затошнило. Попыталась ответить, получилось что-то вроде:

– Моя ноглова...

К счастью, свыше смиростивились над моим позором, и сознание отключилось.

Кто-то держал мою руку, поглаживая. Кто-то водил пальцами по лбу... бр-р-р, холодными, почему-то мокрыми, но сильными. Голова раскалывалась на множество мельчайших кусочков, собиралась воедино, а потом раскалывалась вновь. Зато моя импровизация сработала. Косо-криво, но ведь сработала же!

– Вы за женой даже в собственном доме уследить не можете. Что уж говорить о большем.

– Лучше следите за своими словами, де Мортен. Как вы только что выразились, в моем доме.

Или не очень?

Приоткрыв глаз, обнаружила мужа слева, сидящим на кровати. Брат наблюдался справа: суровый и мрачный, держал стакан с водой и чертил исцеляющие узоры армалов, глядя в район моей макушки. Анри тут же наклонился ко мне, с тревогой вглядываясь в лицо. Какое это счастье – ви-

деть его на одном месте, а не постоянно кружащим надо мной, как июньский шмель.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не очень... – я слабо улыбнулась.

Ну очень, очень слабо. Чтобы наверняка.

– Ничего. Сейчас полегчает, – холодно отозвался Винсент. М-да. Об этом я как-то не подумала.

Боль и правда отступала – мягко, как океанская волна, унося за собой шум в ушах и тревогу из глаз Анри. Руки и ноги наливались теплом, да и в целом я себя чувствовала превосходно. Ну, если исключить взгляды двух самых дорогих мне мужчин – колючие, хлесткие, стоило им скреститься подобно лезвиям кардонийских стилетов.

– Я люблю вашу сестру, де Мортен.

– Так любите, что обрекаете ее на жизнь с оглядкой, сплетни и косые взгляды?

Брови Винсента сошлись, снова прочертив на переносице глубокую складку. Глаза Анри похолодели – насколько можно назвать холодным расплавленное золото. Но сейчас в него медленно вливали лед, оставляя застывать на ветру.

– Я сделаю все, чтобы она была счастлива.

– Вы уже достаточно всего наделали. Я политик, де Ларне, и в отличие от вас привык смотреть вперед, а не только себе под ноги.

– Так поднимите голову и подумайте о чувствах Терезы.

– С каких это пор вас интересуют ее чувства? – В голосе

Винсента звучала смазанная ядом сталь. – С того дня, как вы обманом стали ее мужем? Я поклялся защищать сестру, а вместо этого отдал вам. Но вы даже с этим не справились, позволили ее силе прогреметь на весь мир. Настоящий мужчина не создает женщине проблемы, а решает их. В ваших же интересах решить эту проблему как можно скорее. Тереза подаст на развод, вы подпишете бумаги. И сделаете заявление в прессе, что она ни о чем не знала, соглашаясь на этот брак.

– И не подумаю! – рявкнула я. – Я обо всем знала с той самой минуты, как переступила порог нашего дома в Лигенбурге.

– Что ж, в таком случае вы просто глупая девица.

Анри поднялся, его яростью меня полоснуло наотмашь.

– Позвольте напомнить, де Мортен, что вы говорите с моей женой и о моей жене. Так что извольте выбирать выражения, или я выкину вас в окно.

– Не советую со мной играть, де Ларне, – брат сцепил руки за спиной, словно опасался пустить их в ход. – Однажды вам уже удалось обвести меня вокруг пальца, но повторить не получится. Подпишите бумаги о разводе, и я оставлю вас в покое. Откажетесь, и я разберу ваше прошлое на кусочки. Найду то, что позволит мне от вас избавиться. Так или иначе.

Слова брата били с опозданием, но точно и в самое сердце. Наверное, так же чувствуется боль от удара шиинхэ – когда расходится рана, а не когда наносишь удар. Сколько раз за

последние дни Анри задавался теми же вопросами? Сколько раз вспоминал о том, как от меня отказался и думал, что так лучше для нас обоих? Сколько раз ненавидел себя за то, что бессилён перед любой магией, хотя за спиной маячит тень Эльгера? И сумеем ли мы справиться с этим? Даже вместе.

– Тереза. – Анри предупреждающе сжал мои пальцы, но смотрела я только на Винсента.

Меня колотило от ярости.

– Вы... – голос сорвался. – Вы просто недалекий, зацикленный на себе монстр!

Брат медленно, угрожающе медленно повернулся ко мне, позволяя костру в темных глазах разгореться адовым пламенем. Но опомниться я ему не позволила.

– Вы говорите о моем муже. Он спас мне жизнь, когда моя сила впервые вырвалась из-под контроля! А вы с папочкой только и делали, что прятали меня от всего мира! Заставляли стесняться собственной силы. Вместо того, чтобы показать, на что я на самом деле способна, твердили, что никто не должен об этом знать! Даже сейчас говорите так, словно меня уличили в чем-то постыдном. Всю свою жизнь я слышала, что некромагия не для женщин, что это ужас и кошмар, проклятие, с которым я родилась! Что я сама – проклятие!

– Де Мортен, – резкость Анри почему-то ударила и по мне: из легких словно весь воздух выпустили. – Вернемся к этому разговору позже. Терезе нужно отдохнуть.

– С вами мне больше не о чем говорить. Я хочу побеседо-

вать с сестрой.

– О чем? – ядовито переспросила я. – О сплетнях, которые могут повредить вашей репутации в парламенте? Вот только когда вы женились на Луизе, об этом почему-то не подумали.

Теперь Винсент дернулся, словно от удара. В глазах его промелькнула боль, но лишь на миг, сменившись привычной обжигающей твердыней.

– Вам придется выбрать, Тереза. Либо вы возвращаетесь со мной в Мортенхэйм, либо можете забыть о том, что вы мне сестра.

Я вздрогнула, и тут же хлопнула дверь, как пощечина – наотмашь. Отскочила от косяка и жалобно приоткрылась, словно поманила за собой, чтобы отменить случившееся. Но я осталась на месте, замерла в объятиях Анри. Он укачивал меня, как ребенка, гладил по спине, но даже от прикосновений его ладони сейчас не становилось теплее. Последний раз мы так поссорились из-за Луизы, из-за вскрытого письма. Тогда я была виновата и просила прощения. Да, я тоже была не в восторге от Луизы, но когда поняла, как сильно они любят друг друга, приняла ее как сестру. Сейчас же не чувствовала ничего, кроме обиды – едкой, жгучей, что затопила грудь и мешала дышать.

– Не хочу его видеть, – прошептала мужу в плечо. – Никогда больше!

– Не говори того, о чем потом пожалеешь, Тереза.

– Не пожалею.

– Обязательно пожалеешь. Вы, Биго, как гренуэрские скорпионы. Когда начинаете жалить, остановиться уже не можете. И почему-то рядом с самыми близкими ваши жала острее всего.

– Как ты можешь его защищать? – вскинулась я. – После всего, что он наговорил, после...

– Если ты заметила, я сказал «вы», – Анри поцеловал меня в кончик носа. Он казался расслабленным, но обмануть мог кого угодно, кроме меня: холод покалывал запястье тонкими иглами, растекаясь по руке и подбираясь к сердцу. – А пока кое-кому стоит отдохнуть. Обещаешь сегодня больше не падать?

Я потянулась за уцелевшей подушкой, чтобы напомнить кое-кому о том, как опасно злить обиженных женщин, но он перехватил мои пальцы. Сжал руку в кулак и поднес к губам. И я сама не поняла, как утонула в его объятиях.

2

– Почему твой брат хочет, чтобы ты уехала?

Я засмотрелась в окно, поэтому вопрос застал меня врасплох. Перевела взгляд на Софи: она сидела на стуле и болтала ногами. Недавно Мэри уложила ей волосы и аккуратно перевязала бантами, которые почему-то снова съехали. Не представляю, как она это делает.

– Подслушивала?

Я попыталась возмутиться, но получилось плохо: весь запал ушел в ссору с Винсентом. Сейчас я напоминала ароматический мешочек с травами, который неожиданно развязался. Вроде и можно смести засушенные цветочки веником и запихнуть обратно, но толку от этого ноль.

– Вот еще! Вы так кричали, что на другом конце Лавуа было слышно.

Да. Про полог безмолвия никто из нас в тот момент не вспомнил.

– На самом деле я не слушала, – поспешила заверить девочка. – Просто у меня теперь есть это!

Софи открыла ящик туалетного столика и выудила на свет издававшие виды гадальные карты. Я могла бы предположить, что она нашла их в антикварном магазинчике в Ларне или в какой-нибудь лавке мистика, но выглядели они так, словно ими пользовались постоянно. И почему-то я сомневалась, что эти мохры с выцветшими картинками принял бы в коллекцию даже самый упертый в своей страсти антиквар.

– Откуда они у тебя?

– Пока вас не было, мы с Мэри и Жеромом ездили в Ларне. А рядом с городом, за лесом, как раз остановился мой народ... Мы немного посидели у костра, потанцевали... – Софи бросила карты на столик, отчего они раскрылись корявым веером, и закружилась по комнате, вскидывая руки и прихлопывая в такт слышимой только ей одной музыке. – Мэри так смешно прыгала.... И Лайза подарила мне карты,

сказала, что они меня выбрали. А еще, что они заговоренные и всегда расскажут только правду. Ну, или промолчат.

Она танцевала так, словно всю жизнь этим занималась – природная грация, необузданные обнаженные чувства. Так только дети умеют, без опаски ошибиться или сделать неправильный шаг, не думая о том, как выглядят со стороны. А выглядела она маленькой дикаркой: раскрасневшаяся, волны волос вспарывают воздух и платье кружится вместе с ней. Отчетливо представилось, как взлетает в такт свободной песне нонаэрянская расписная юбка. Какой Софи станет, когда вырастет? Захочет ли жить в нашем мире, или вернется в свой?

Девочка поймала мой взгляд и замерла.

– Что? – спросила немного смущенно. – Я снова веду себя не как положено мадемуазель?

Марисса, которая не теряла надежды в самом ближайшем будущем найти Софи гувернантку, взяла на себя обязанность воспитательницы. Получалось у нее через раз, но что-то все-таки получалось. Например, «положено мадемуазель». Мне вдруг стало смешно.

– Нет, – сказала я. – Просто ты очень красиво танцуешь.

– Правда?

Глаза Софи засияли, она подскочила и порывисто меня обняла.

– Спасибо, Тереза!

Наверное, это и есть ответ на мой вопрос. Несмотря ни на

что, она продолжала называть нас «Тереза» и «Анри». Впрочем, наверное, так будет правильно – ведь Анри все равно не сможет передать ей свой титул. А если попытается перевести опекунов в отцовство, это вызовет очередной скандал. Одним больше, одним меньше... Вот только для меня она стала дочерью в тот самый миг, когда я ее увидела. И вряд ли это что-то изменит.

– А мы все вместе будем ужинать? – Софи задрала голову, заглядывая мне в глаза.

Хороший вопрос. Но своевременный: за окнами уже стемнело, скоро должны накрывать на стол. Обед я просила принести в спальню. Сама мысль о том, что нужно выйти из комнаты и снова встретиться с братом казалась мне дикой. Анри говорил, что я пожалею, но я не жалела. По крайней мере о том, что все высказала. В конце концов, я ни в чем не виновата. Это он явился к нам в дом и потребовал моего отъезда. А заодно, чтобы я развелась! С тем же успехом мог попросить, чтобы я харрим станцевала на площади Витэйра. В том, что Винсент настроен серьезно, сомнений нет – даже после истории с письмом Луизы он не говорил, что откажется от меня. Представить свою жизнь без брата я не могла, равно как и дальше делать вид, что ничего не случилось.

– Я хочу с ним познакомиться! – заявил этот неугомонный ребенок, и я кивнула ей на стул.

– Уверена? – принялась заплетать косу, стягивая тяжелые темные пряди достаточно свободно, чтобы не заболела голо-

ва.

– Конечно! – Софи подхватила карты и принялась их перебирать, быстро-быстро. Только у меня одной ощущение, что они от такого обращения рассыплутся трухой? – Хочешь, сделаем расклад на будущее?

Не уверена, что хочу знать о будущем. По крайней мере, сейчас.

– Не сегодня, Софи... – осеклась, когда увидела карту. «Любовники».

Выгоревшие на солнце потрескавшиеся краски все равно не могли скрыть затертого изображения: двое обвивали друг друга, как виноградная лоза дерево. Девушка была темноволосяй, в пестром платье, стекающим с плеч, а мужчина полуобнажен. Странная карта... Но ничем не напоминает второе послание Эрика в Лигенбурге. Столь же яркое, сколь и мрачное: цепи, подземелье и тени-кровоподтеки на бледной коже женщины. И пальцы мужчины, впивающиеся в ее шею. На миг я даже почувствовала вонь портового района – запах рыбы, смешанный с сыростью гниющих досок, услышала крики чаек и скрип раскачивающихся основ заброшенных доков.

– Карты всегда одинаковы? Я хочу сказать... Изображения на них ведь могут отличаться, верно?

Софи с любопытством взглянула на меня в отражении. Темные глаза сверкнули.

– Конечно, их же рисуют разные люди. Ты же знаешь, что самые сильные карты – те, что сделаны своими руками? Лай-

за потратила не один месяц, чтобы их создать. Она отдала их мне, а значит, и часть своей силы тоже. Для нашего народа это бесценный дар.

– Все рисуют их сами?

– Нет, что ты. Многие так называемые гадалки... ну, в салонах, используют картонки, напечатанные на станках, – Софи улыбнулась. – Их же на станках печатают? Но с такими картами гораздо сложнее работать. Конечно, если в человеке достаточно внутренней силы, со временем она может в них перейти... Но только со временем, и это не всегда правда... Если ты понимаешь, о чем я.

Я понимала, но сейчас меня интересовало другое.

– А если на картах, ну... используется мрачный сюжет?

– Мрачный? – Софи нахмурилась. – Ты сейчас про темный эрт?

– Темный эрт?

– Ну да. Рисунки разные, но основы всего лишь две. Темный эрт или светлый. Этот – светлый, – она подняла карты.

– И чем они отличаются?

– Да ничем особенно. Просто те, кто рисуют темный, не гнушаются проклятий и зла. А почему ты спрашиваешь?

Покачала головой.

– Просто любопытно.

Такой ответ Софи полностью устроил, она вцепилась в стул и смотрела, как я вплетаю в волосы ленту. Видела она то же, что и я, но у меня перед глазами стояла совсем дру-

гая картина: тяжелая плита саркофага в фамильном склепе герцога де ла Мера. Почему-то именно сейчас не получалось избавиться от чувства, что расклад Эрика куда сложнее, чем мне представлялось изначально.

3

С Винсентом мы столкнулись в дверях столовой. Не явиться ему помешал этикет: энгериец до кончиков ногтей, он мог размазать близкого человека ровным слоем по ближайшей поверхности, но опоздать на ужин? Ни за что. Вот и сейчас, собранный и мрачный, как грозовая туча, его светлость вышагивал по коридору. У губ залегли складки, а взгляд метал молнии.

Увидела его, и на миг защемило сердце: ведь это мой родной брат, который всегда стоял за меня стеной. Он прикрывал меня, когда я свалилась с дерева и перепачкала платье прямо перед ужином. Я побежала переодеваться, а он рассказывал родителям «сказки». Только Винсент всегда мог охладить гнев отца и растопить холодную отчужденность матери. Только с ним я могла поговорить о некромагии, как о чем-то само собой разумеющемся. Так почему сейчас мы смотрим друг на друга как чужие?

– Тереза. – Муж тепло улыбнулся, и я почти поверила в то, что все будет хорошо.

Софи скрывалась за нашими спинами. Ну как скрыва-

лась: сцепив руки, выглядывала из-за надежной скалы Анри – осторожно, но с явным любопытством. Наверное, сейчас не лучшее время, но ребенок тут ни при чем. Протянула руку, и девочка доверчиво вложила свою ладошку в мою.

– Добрый вечер, граф, – сухо, чопорно. – Леди Тереза.

Леди Тереза?! Да чтоб тебе сесть мимо стула!

– Винсент, это Софи. Наша воспитанница. – Глаза брата расширились. – Софи, это мой брат. Его светлость Винсент Биго, герцог де Мортен.

Софи присела в реверансе – глубоким и настолько точно исполненным, что любая энгерийская леди от зависти съела бы свой лучший шарфик.

– Приятно познакомиться, ваша светлость.

Голосок невинный, глаза опущены – не в пол, но достаточно низко, все по правилам. Что касается моих глаз, то они только чудом на лоб не вылезли: предыдущие реверансы Софи, которым ее тщетно учила Марисса и которые мне доводилось видеть, напоминали нечто среднее между книксе-ном страдающей подагрой старушки и деревенскими танцами вприсядку. Анри больше не улыбался, но уголки его губ едва уловимо подрагивали. А вот маска сурового герцога не дрогнула ни на миг. Тем не менее склонился к Софи и поцеловал тонкие пальчики:

– Взаимно, юная леди.

Она подняла глаза и очаровательно ему улыбнулась.

– Можно я сяду рядом с вами?..

Вот это было уже больше похоже на мою дочь, но теперь отмерла я.

– Софи!

Вместо ответа она взяла за руку сначала меня, потом Анри, и таким вот странным гуськом мы просочились в столовую вслед за его ошарашенной светлостью.

– Твоих рук дело? – шепнула мужу, когда мы усаживались за стол.

Он покачал головой.

– Похоже она всерьез задалась целью понравиться твоему брату.

– Когда только успела разучить реверанс? – буркнула я, хотя на сердце потеплело. – Софи же терпеть не может занятия по этикету.

– Мадам Ильез и пара часов свободного времени вполне способны сотворить чудо. Особенно если хочешь произвести впечатление на чудовище.

Я не сдержалась и ткнула его в бок. Локтем. Легонько.

– Сам ты чудовище.

– Не спорю.

На этой странной ноте хрупкого и достаточно напряженного перемирия мы приступили к ужину.

– Как поживает ее светлость? – негромко поинтересовался Анри, когда подали жаркое.

Винсент удостоил его скупым взглядом.

– Замечательно.

– Очень надеюсь познакомиться с ней зимой, – прошептала Софи. – Говорят, ее светлость Луиза очень красивая!

Винсент хмыкнул. Я покосилась на мужа.

– Наверное, Жерома пытала, – ответил одними губами, стараясь не улыбаться.

Остается надеяться, что в переносном смысле. Судя по напору, из нас троих у этой мадемуазель быстрее всего получается добывать нужную информацию и использовать в своих целях.

– Очень красивая, – подтвердил брат, промокнул уголки губ салфеткой и снова принялся за еду.

– Тереза тоже очень красивая, – Софи улыбнулась. – И еще очень-очень добрая. Они с Анри так обо мне заботятся!

– Очень мило, – сухо отозвался Винсент.

В этот миг сердце у меня екнуло, но девочка ничего не заметила.

– Как же вы познакомились с моей сестрой?

– Тереза приехала в Равьенн с месье Эльгером.

О-ой.

– С месье Эльгером? – Винсент посмотрел на меня так, что захотелось сползти под стол. – Вдвоем?

– В сопровождении воспитанницы герцога де ла Мера, – за меня ответил Анри. – Школа-приют находится под патронажем его светлости. – В этот момент подумалось, не влезть ли на люстру. Поговорить с Анри о Равьенн я не успела, но сейчас, наверное, лучше не уточнять, что теперь школа при-

надлежит мне. — И справедливо рассудил, что вашей сестре будет интересна тема благотворительности.

— А Тереза меня защитила! — С гордостью заявила Софи. — Меня тогда наказали, и...

— Юная леди, — в голосе Винсента звучала сталь. — Я буду рад продолжить с вами беседу, но будьте так любезны не вступать в наш с графом разговор. Впрочем, вам это простительно.

Софи дернулась, вжалась в спинку стула, и Анри недобро прищурился.

— Не вижу причин заострять на этом внимание, де Мортен.

— Интересно, что же вы в таком случае посчитаете достойным вашего внимания.

Дальнейшая беседа протекала в ключе словесной игры снежками. Чем занята леди Илэйн, что скоро начнется подготовка к зимнему балу, что в парламенте готовятся новые законопроекты, а ее величество Брианна вот-вот порадует Энгерию и принца-консорта наследником. Впрочем, говорил преимущественно Анри, Винсент только отвечал — односложно, жестко, на грани приличий. Софи притихла, в разговор больше не вступала, и если поначалу улыбалась и глядела на брата влюбленным совенком, то теперь лишь изредка поднимала голову, а после снова утыкалась в тарелку. Когда подали десерт, едва к нему притронулась. Чем дольше все это продолжалось, тем холоднее становился голос Анри и браслет, и тем сильнее мне хотелось стукнуть его твердо-

лобие чем-нибудь тяжелым.

Когда Винсент коротко поблагодарил за ужин и, пожелав доброй ночи, вышел, вскочила и вылетела за ним.

– Не могли ей подыграть? – прошипела в мощную спину. – Можете наказывать своим пренебрежением нас, но ребенок-то в чем перед вами провинился?

Брат остановился. Овернулся, медленно подошел ко мне. Сильные пальцы сомкнулись на предплечье кандалами, и он быстро зашагал по коридору, увлекая за собой. Поначалу упиралась, стараясь остановиться или хотя бы задержать, но какой там. Не драться же с ним, даже если очень хочется. Мы вышли в холл, а затем и на улицу, где поздний вечер с радостью вонзил в меня свои ледяные зубы, даже несмотря на закрытое и теплое платье. Винсент сдернул сюртук, накинул мне на плечи и укутал, но я вывернулась и отскочила. Будь он мне хоть десять раз братом, Софи обижать я не позволю!

– Вернитесь и извинитесь перед Софи за то, что вели себя как последний... герцог.

– Извиниться перед кем? – его брови приподнялись.

– Эта девочка – моя дочь!

– Ваша дочь? Вы даже не знаете, кем была ее мать! Наверняка какая-нибудь бродяжка.

– Мать Софи нонаэрянка! Ее звали Талина, и она умерла.

– Об этом я и говорю.

Я сжала кулаки.

– Винсент, да что на вас нашло?!

– Что нашло на меня? – он схватил меня за плечи. – Что нашло на вас! Раздаете авансы мужчинам! Чтобы женщина ехала с другим без сопровождения мужа? Чтобы муж ее отпустил, да еще и не придавал такому значения? Вы сами на себя не похожи, закрываете глаза на такие вещи, которые раньше привели бы мою сестру в ужас. Ребенок из приюта, брак с хэандаме! Одержимость нашего отца сильными союзами давно ни для кого не секрет, но вы-то не могли не понимать, на что идете! Почему сразу все не рассказали?

Ярость, погребенная под пластами раскаяния за жестокие утренние слова, заворочалась с новой силой.

– Так в этом все дело? – прошипела я. – В том, что Винсент Биго, великий герцог де Мортен привык все контролировать, а его маленькая сестренка не пришла и не выложила ему все?

Угли в его глазах начали было остывать, но вспыхнули вновь. И это было страшнее лесного пожара, заревом расплывающегося над охваченным огнем деревьями. Мне не раз и не два доводилось видеть такой взгляд: испепеляющий быстрее «покрывала тлена».

– Ведете себя, как девица на выданье. Которой отказали в замужестве с гулящим хлыщом.

Я бы влепила ему пощечину, но Винсент перехватил мое запястье. До боли стиснул плечи, встряхнул.

– Подумайте о своем будущем, Тереза. Вы должны развестись. Со временем, когда все утрясется, я найду для вас до-

стойную партию. Хорошего человека, с которым у вас будет нормальная семья.

– У меня уже есть семья!

– Общество вас не примет.

– Все эти годы общество меня не замечало! Поговорят и забудут.

– Не в этот раз. Не теперь, когда они знают о магии смерти. Но я не позволю никому поломать вам жизнь, даже вам самой.

– То есть мне ее ломать нельзя, а вам можно?

– Вэля – совершенно другая страна, здесь нравы и мораль катятся в адову бездну.

– Нравы и мораль? – прошипела я. – О, да вы просто ходячая энциклопедия нравов! На какой там странице записано, что нужно щелкнуть по носу ребенка, который из всех сил пытается вам понравиться?

– Достаточно, леди Тереза. Завтра вы отправитесь со мной в Мортенхэйм.

Не просьба, и даже не утверждение. Приказ.

– Тереза поедет с вами, только если сама этого пожелает. – Хлопнула дверь. Анри спускался по ступенькам: обманчиво-медленно. Тем не менее браслет оцетинился иглами льда, а мягкие черты лица мужа заострились, из-под маски учтивости проступал оскал разъяренного льва. – Отпустите мою жену, де Мортен.

– Не смейте мне указывать, де Ларне.

– Отпустите ее. Или пожалеете, что явились в мой дом.

– Единственное, о чем я жалею – так это о том, что в свое время поддался на уговоры и отпустил ее с вами.

Тем не менее хватка на моих плечах ослабла.

– Тереза?

Перед глазами стоял мальчишка, который смотрел на меня сверху вниз, но при этом улыбался и подмигивал, пока не видел отец. Он строил смешные рожи, когда я начинала кукситься от слов матушки, и я улыбалась в ответ. Надежный, привычный запах прошлого, запах незыблемой твердыни – горьковатых пряностей и мятного табака. Но сейчас передо мной стоял мужчина, который все уже для себя решил. А если он решил, значит, все должно быть только по его, или никак! Даже если он рвет мое сердце на лоскутки. И клянусь, он уже давно не мальчишка, чтобы этого не понимать.

– Мой дом здесь!

Короткий прямой взгляд в упор.

– Это ваше последнее слово?

Слова здесь точно лишние – что первые, что последние.

У-у-у, деспот! Тиран! Ненавижу!

Должно быть, Винсент прочел это на моем лице, потому что брови его сошлись на переносице. А потом брат стремительно прошел мимо. На этот раз дверь хлопнула с такой силой, что в ней что-то хрустнуло. Я подхватила первый попавшийся под руку камень и от души запустила вслед: с коротким скребущим звуком камешек отскочил от стены и уда-

рил в крыльцо. Увернулась от протянутой руки Анри и опрометью бросилась в дом. Надеюсь, Винсенту хватило ума побыстрее убратся с моего пути, потому что иначе я ему не завидую!

4

Когда я вошла пожелать доброй ночи, Софи спряталась. Из-под пухового одеяла торчала только взъерошенная макушка и пальчики, которые цеплялись за край так сильно, словно ее кровать окружали полчища страшных чудищ.

– Эй. – Я села и мягко постучала по «домику». – Можно к вам?

Изнутри донесся глухой всхлип. Я сдернула покрывало: огромные, на пол-лица глаза. Сухие, но губы дрожат.

– Ну, и что у нас случилось? – я подтянула Софи к себе, обнимая.

Кулачки уперлись мне в грудь.

– Я вас не достойна. Вас с Анри.

– Софи...

– Нет! – она вывернулась из моих рук и вжалась в подушки. – У меня ничего нормально не получается, я не умею себя вести... Хотя стараюсь. Я очень стараюсь, но просто я не такая, как... как вы, и мне не место в этом доме! Поэтому твой брат так смотрел!

Он смотрел так, потому что он всегда так смотрит, когда

зол. И в такие минуты ему наплевать, как больно может быть тем, на кого он смотрит.

Но говорить о Винсенте сейчас не хотелось.

– Не говори глупостей, – строго сказала я. – Или...

Лицо Софи окаменело. Она напряглась и сжалась, словно ожидая наказания. В этот момент я поняла, что первым делом все-таки уволю мадам Горинье.

– Защекочу до смерти!

Глаза ее расширились. Софи попыталась отпрыгнуть, но не успела. Я повалила ее на подушки и принялась щекотать. Она извивалась кошкой, пыталась отбиваться, сначала хихикала, а потом начала визжать и хохотать так, что на глазах все-таки выступили слезы. Только тогда я позволила выскользнуть, и девочка стремительно отползла на другой край кровати, на всякий случай вооружившись подушкой.

– Думаешь, что сумеешь справиться со мной с помощью этого? – зловеще поинтересовалась я, вырастая над кроватью и складывая руки на груди.

– Не подходи!

Я бросилась к ней, Софи оглушительно взвизгнула, мимо пролетела страшное орудие и с глухим хлопком приземлилась на пол. Я же прыгнула прямо на кровать, и мы вместе покатались по покрывалу, сбивая его в большущий ком, который отправился вслед за подушкой. Мне случайно ткнули пальцем в глаз, укусили за ладонь – не больно, скорее, щекотно, в отместку. А после я обнаружила себя лежащей на

животе, с заведенными за спину руками. Софи уселась сверху и довольно изрекла:

– Сдавайся!

– Сдаюсь, – пробормотала я, сквозь душивший меня смех.

– Проси прощения!

– За что? – возмутилась я.

– За щекотку!

– Я снова пропустил все самое интересное? – Анри вошел в комнату и остановился, глядя на нас сверху вниз.

В пылу битвы мой халат и сорочка задрались, обнажая ноги, и это было как-то... чересчур.

– Спаси меня, – жалобно пробормотала я.

– Зачем это?

– У меня шея затекла!

– А что мне за это будет?

– Я тебя поцелую.

– Так нече... – Софи оказалась в воздухе раньше, чем пискнула. – ... стно!

Приподнявшись на локте, я смотрела, как ее кружат по комнате на вытянутых руках, и улыбалась. Только когда он побледнел и стремительно опустил девочку на пол, подскочила и бросилась к мужу.

– Все в порядке. Просто голова закружилась.

Наклонившись, Анри легко поднял одеяло и вернул его на кровать. Софи отправилась за подушкой, а спустя несколько минут уже лежала в постели. Мы устроились по обе сто-

роны от нее, и болтали о первой зимней ярмарке, которая откроется через пару недель в Ларне. Странное это чувство: в моем детстве были няньки, которые приходили рассказывать сказки на ночь, а после гасили светильники и целовали, как еще множество девочек до меня или после. Но никогда – матери и отца. Возможно, поэтому на миг показалось, что все происходящее просто странный сон, который развеется, стоит мне выйти за дверь. Разве можно отказаться от этой нежности, прорастающей из самого сердца?

– Анри, купишь мне куклу? – Софи уже начинала клевать носом, но упорно не хотела засыпать. – И леденцы.

– Посмотрим на твое поведение.

Она мигом встрепелулась.

– Я не хотела его злить... Просто испугалась, что он и правда может забрать Терезу.

– Пусть только попробует, – это прозвучало угрожающе, но девочка хихикнула.

А потом вовсе закрыла глаза и засопела. Анри протянул мне руку и приложил палец к губам: действительно, Софи беспокойно пошевелилась, когда я слегка задела стопку книг на прикроватной тумбочке. Муж погасил светильник, и мы крадучись, словно сообщники, на цыпочках вышли в коридор.

До спальни дошли в молчании и только там, снимая халат, позволила себе сказать:

– В Энгерии тоже проходят ярмарки. В честь начала зимы.

Одна из них – в деревеньке, неподалеку от Мортенхэйма.

Раньше ярмарки меня волновали мало. Говоря откровенно, не видела ни одной. А вот в прошлом году отчаянно хотелось куда-нибудь вырваться: тогда мои чувства к Альберту достигли такого накала, что я готова была на край света бежать, лишь бы не оставаться с ними наедине. Но Винсент пригласил Луизу, я же в то время ее терпеть не могла, поэтому осталась дома. Весь день просидела в библиотеке с книгами, чтобы не думать про лорда Фрая. Получалось не очень. Тогда я пошла к Луни и разговаривала с ним, а он перетапывался с ноги на ногу и рычал на особо эмоциональных моментах. Он не понимал, что я говорю, зато чувствовал очень хорошо. Не все люди так умеют.

Винсент, например, все понимал. Но почувствовать не захотел.

– Тереза, – Анри положил руки мне на плечи, развернул лицом к себе. – Ты по ним скучаешь, ничего страшного в этом нет. Вся твоя жизнь прошла в Мортенхэйме.

Я прижалась к широкой груди, слушая биение его сердца. Ровное, спокойное, сильное.

– Хочешь поехать с ним?

Руки на моих плечах ощутимо напряглись, сердце под ладонью забилося сильнее.

– Не хочу. Моя семья здесь. Ты здесь.

Анри глубоко вздохнул, запустил пальцы в мои волосы. Сжимая пряди в ладони, мягко потянул, заставляя запроки-

нуть голову, чтобы смотреть в глаза.

– Сегодня я с трудом удержался, – негромко произнес он. – Но в словах де Мортена есть доля правды. Мы с тобой вызов для современного общества. И обычной семьей нас назвать сложно.

– Знаю. Но другой мне не надо.

Его руки скользнули по моим плечам, муж наклонился, а я поднялась на носочки. Касаясь губами губ, теряясь в золотых глазах. Анри подхватил меня на руки и отнес на кровать, завернул в покрывало, прижимая к себе. Волосы расплескались по подушкам, по ним бессовестно протоптался Кошмар и улегся спать прямо сверху, но сгонять нахала не было ни сил, ни желания. Покачиваясь в лодочке родных рук на волнах растекающегося по телу тепла, я провалилась в сон.

5

Раннее утро пощипывало прохладой руки и шею. Я забыла надеть перчатки. И шарф тоже – когда Жером разбудил нас и сообщил, что Винсент уезжает, мы с Анри еще мирно спали. Спросонья заворачиваясь в первое, что попало под руку, сейчас я напоминала неудачно запакованный на почте сверток. То, что брат решил уехать не попрощавшись, было из ряда вон, но вполне в его духе. Оказывается, он проснулся еще до рассвета, попросил подать завтрак в комнату, после чего велел готовить экипаж, чтобы успеть на дневной поезд

до Ольвижа.

– Хорошо добратсья, де Мортен.

Анри притянул меня к себе, а Винсент наградил его испепеляющим взглядом. Ступил на подножку, и устроился в экипаже, запахнув полы плаща.

Кучер захлопнул дверцу и вскочил на козлы.

– Всего хорошего.

С таким выражением лица и таким тоном обычно желают катиться в ад. Не дожидаясь ответа, брат задернул шторку, постучал тростью, и экипаж тронулся. Я смотрела ему вслед, не в силах поверить, что мы так и не помирились. От души пожелав Винсенту жестокого несварения в дороге, развернулась и пошла в дом рядом с Анри.

– Ему нужно время, – негромко произнес муж.

– Разумеется! Года через два на него снизойдет озарение. Может быть. В лучшем случае.

Подхватила юбки и зашагала быстрее.

– Думаю, это случится раньше.

– А я так не думаю! В его голове уже нарисовалась картина, в которой мы не должны быть вместе. И пока она там висит...

– Так давай нарисуем другую. И повесим на ее место.

Анри взял мою заledenевшую руку в свою.

– Он не станет упорствовать, когда поймет, что ты счастлива.

– Да неужели! – я отняла руку и влетела в холл, в котором

сейчас было немногим теплее, чем на улице, как всегда по утрам. – Вчера я пыталась ему показать, рассказать и объяснить, насколько я счастлива. В результате наша дочь испытала на себе все прелести возникшего между нами недопонимания. Сегодня Винсент собирался уехать, даже не попрощавшись. И ты говоришь, что он увидит наше счастье, и растает, как снежок на затылке? Не смешите зомби!

Анри перехватил меня, развернул лицом к себе.

– Тереза, он любит тебя. Просто ему нужно осознать, что наша семья для тебя не прихоть и не каприз.

– Он любит только свое раздутое до размеров бальной залы мнение. И пока его поддерживают, он любит этих несчастных. У-у-у, видеть его не могу! Надо написать мамушке, чтобы не ждала нас на праздник.

Я вырвалась и убежала наверх. Поднялась на чердак, толкнула незапертую дверь и оказалась в царстве пыли и теней. Сквозь небольшие оконца с трудом проникал свет, но его хватало сполна, чтобы разглядеть тонкое кружево паутинок и резные узоры застывшего у стены сундука. Кроме него здесь больше ничего не было: ни старой мебели, ни каких-либо других вещей. Крепкие деревянные половицы даже не скрипели, когда я шла, оставляя на них следы и подметая их подолом. Щелкнула попытавшегося спуститься на плечо паука, который улетел в темноту, и уставилась на стремительно убегающую вдаль дорожную ленту.

Меня достаточно сложно напугать, но здесь почему-то

стало не по себе. Дело было не в темноте и не в запахе пыли, от которого зачесалось в носу. Чердак простирался на все правое крыло дома, но пустовал. Да, дом относительно новый, а Анри предпочитал путешествовать налегке, но неужели все прошлое моего мужа легко уместилось в один-единственный сундук? Который так и притягивал взгляд: замка на нем не было. Теперь уже стоило немалых усилий заставлять себя смотреть в окно – на дорогу, по которой уехал Винсент, на каменный мостик, облетевший лес и плывущие по небу облака. Так просто подойти и откинуть резную крышку, заглянуть внутрь и, возможно, в душу Анри. Того Анри, кем он был когда-то, и каким я никогда его не знала.

Мальчик. Совсем юный, не отравленный целью мести мааджари.

Он говорил, что вырос в любви, но как получилось, что ненависть проросла в его сердце?

Я все-таки заставила себя отлепиться от окна, широким шагом направилась к сундуку, и... замерла. Однажды я уже совершила ошибку, прикоснувшись к тому, о чем не следовало знать. Доверилась своим глазам, страхам и сомнениям, но не сердцу. Больше я такой ошибки не повторю. И все, что я могу узнать о прошлом Анри – узнаю от него самого, когда он будет готов. Возможно, мы даже вместе раскроем этот сундук. А может быть, в нем и правда ничего нет.

Вернувшись в комнату, мужа я не застала. Привела себя в порядок и спустилась к завтраку, после которого Анри от-

правился к себе в кабинет, а мы с Софи на прогулку. Солнце уже растопило утреннюю прохладу – жаль, с той же легкостью не растопить сердце брата. Лучи блестели в капельках воды на дорожках, золотили пожухлую траву и плескались в неглубокой речушке. Мы перешли мостик, а Софи говорила, говорила и говорила – то о встрече с нонаэрянами, то о картах, с которыми только училась разговаривать. Кажется, она уже забыла о случившемся вчера, с легкостью, свойственной только детям. Зато была искренне рада, что сегодня у нее выходной от занятий с Мариссой.

– Не нравится учиться?

– Учиться скучно.

– Неужели совсем?

– Ну... не всегда, арифметика, например, еще куда ни шло, или правописание. Но когда она заставляет меня зубрить эти унылые поэмы... – девочка наморщила нос.

– И что же там такого унылого?

– Мой мир разрушен и сожжен дотла, я словно раскаленная игла. Вливали в жизнь мою лжи горько-сладкий яд, предательство и боль меня томят. Не знаю, как преодолеть сомнений сонм, с моей душой звучащих в унисон. И даже если я смогу понять, как мне забыть, любить, простить, принять? Отринул сердцем всех своих друзей... Так что же знаю я о смысле жизни сей?

Софи скривилась, высунула язык, и я с трудом удержалась, чтобы повторить.

Но ничего не поделаешь – классика, надо знать. Даже если смысла в ней меньше, чем в хрюканье молочного поросенка. Зато в голову пришла одна маленькая хитрость: надо подсказать Мариссе подсунуть девочке географический атлас. Софи грезит путешествиями, вот пусть и занимается тем, что ей интересно. По крайней мере, пока у нее не появится гувернантка. С которой уже можно подробнее обсудить, как разбудить любовь ребенка к классической поэзии. Энгерийским я с ней буду заниматься сама, так что думаю, с языком проблем не возникнет.

Ближе к обеду мы вернулись в дом, и разошлись по комнатам, чтобы переодеться. Но не успела я снять накидку, как на пороге появился Анри. Побледневший и хмурый, с тяжелыми даже на вид папками в руках – и ведь хватило ума сидеть все это время за работой вместо того, чтобы отдыхать! Сердце сжалось, но я все-таки заставила себя улыбнуться.

– Только не говори, что вместо обеда ты будешь заниматься бумагами.

– Не стану. Если только ими не решишь заняться ты.

Что-то в его голосе – низком, сумрачном, мне не понравилось.

– С чего бы мне...

Перехватив тяжелый взгляд, закусил губу. Я вдруг поняла, что в этих папках.

Документы по Равьенн.

И дай Всевидящий, чтобы только документы, без письма

Эльгера. Но конечно же, оно там оказалось. Я увидела его, когда Анри положил бумаги на туалетный столик. Аккуратно сдвинув гребень, крема и шкатулку с драгоценностями. Письмо лежало на самом верху, сложенный вдвое листок с гербовой печатью. Сломанной.

– Почему ты вскрыл бумаги, которые прислали мне? – Мой голос звенел от ярости.

– Потому что на посылке не было имени, – холодно отозвался муж. – Документы от герцога мне получать не впервой, поэтому я решил, что они для меня. Пакет остался внизу, в кабинете, можешь проверить.

Меня окатило раскаянием. Раскаянием, сожалением, яростью... и дикой, безотчетной злобой.

Эльгер, вот же... бессердечная тварь! Знал, что так будет. Знал, и сделал это специально!

Но хуже всего было то, что я еще не успела рассказать мужу про Равьенн.

– Анри, я не говорила, что...

– Неважно, – он посмотрел мне в глаза, и впервые за последние дни показался отчаянно чужим и далеким. – Мне нужно кое-что закончить до обеда.

– Не уходи, – я шагнула к нему и взяла за руку. – Давай об этом поговорим. Пожалуйста.

– Об этом стоило поговорить до того, как ты приняла на себя полную ответственность за приют.

Он повернулся и вышел, а я осталась наедине с бумагами.

Подошла, неосознанно перебирая устав, всякие свидетельства, финансовые отчеты, и яростно смахнула их на пол. Бумаги разлетелись по всей комнате, за одним особо приткным листом тут же погнался выскочивший из-под кровати Кошмар. Я же смотрела только на письмо, с трудом сдерживаясь, чтобы не обратить все это в тлен. Грудь высоко вздымалась – так, что не хватало дыхания, руки сами собой сжались в кулаки.

Разломанный надвое полукруг с расходящимися в стороны лучами на застывшем темно-красном сургуче. Да и было того письма всего две строчки, но достаточно для того, чтобы в ушах с новой силой зашумело от ярости.

«Счастлив, что вы согласились принять мой подарок, леди Тереза. Теперь я могу быть уверен, что Равьени в надежных руках.

Надеюсь в самом скором времени увидеть вас вновь.

*С глубочайшей признательностью,
Симон Эльгер»*

Даже слова о надежде у него звучали в приказном порядке.

Что уж говорить о неофициальной подписи, от которой меня затрясло.

Я смяла письмо: красивый резкий почерк вместе с его

признательностью, подарками и прочим, а потом с силой запустила комок в окно. Долететь он не успел, превратился в пепел и осыпался вниз. Кошмар, который в этот миг драл попавший ему в лапы листок, прижал уши и с шипением метнулся под комод. Я принялась собирать бумаги – яростно, невзирая на сминающиеся уголки и порезанные пальцы, швыряла одну стопку за другой на кровать. А потом села на стул и уткнулась лицом в ладони.

Будьте вы прокляты, ваша светлость!

Будьте вы трижды прокляты.

6

Слияние в полной мере позволяло почувствовать раскинувшуюся между нами пропасть, муторную и едкую, которая становилась глубже с каждой минутой. Я то и дело смотрела на Анри, пытаюсь понять, как же начать разговор, но сделать это в присутствии Софи не представлялось возможным. Не знаю, о чем думал он, наша беседа напоминала скачущий по кочкам мячик, который то и дело падал в лужу. В конце концов я отказалась от попыток вернуть ей живость и развлекала себя тем, что рисовала вишневые узоры на взбитых сливках, вместе с Софи. У нее получалось красивее: тонкие темно-красные прожилки цветов таяли в белоснежных облаках.

– Пойдемте гулять пофле обеда? Фсе фмефте? – спросила она, облизываясь как довольный котенок и вытирая уголки

губ пальцами.

Поймала мой взгляд, слегка покраснела и поспешно схватилась за салфетку. От привычки говорить с набитым ртом я ее пока не отучила. Точнее, отучила, но не до конца, иногда Софи забывалась. Ела она быстро, как в приюте – когда нужно успеть пообедать, а после еще собраться на прогулку, чтобы не задерживать остальных. Иногда старшие девочки отнимали у младших хлеб, а воспитательницы смотрели на такое сквозь пальцы. Поэтому слуги едва успевали менять перед ней блюда.

– Мне нужно поработать, Софи.

Ну разумеется я знала, что он так ответит.

– А ваша работа не может немного подождать? – поинтересовалась, с трудом сдерживая раздражение.

– Не может. И вам не советую откладывать. Управление школой – дело серьезное.

– Школой? – Софи удивленно вскинула голову.

– Да. Теперь Равьенн принадлежит Терезе.

Холодом голоса мужа можно было приморозить к скале взрослого слона, а не одну маленькую меня к стулу. С трудом удержалась, чтобы не ткнуть его вилкой.

– Пожалуй, вы правы, – заметила жестко. – Этим и займусь.

– И правильно сделаете.

Девочка с интересом смотрела на меня – к счастью, новость ее настолько поразила, что она не обратила внимания

на нашу словесную дуэль. Зато обратила я, равно как и на то, что наш тон снова стал официальным. Впрочем, сейчас не до выбора тона – я сама готова его выпороть! Неужели так сложно понять, что мне тоже не по себе ото всей этой ситуации?

– А как ты отобрала школу у страшного герцога?

Я поперхнулась взбитыми сливками и закашлялась. А после чуть не подавилась вишневым муссом под ядовитым взглядом Анри.

– И правда, Тереза, как?

Это было нечестно, и он прекрасно об этом знал. Поэтому и смотрел на меня, сцепив руки возле подбородка, слегка приподняв брови. Злющий, как армия Верховного во время колокольного звона.

– Привязала к стулу и пытала до тех пор, пока не согласился отдать Равьенн. И так будет с каждым, кто задает слишком много вопросов.

Софи хихикнула и приложила палец к губам, а я промокнула губы салфеткой и поднялась.

– Прошу прощения, но меня ждет управление школой. Софи, если хочешь погулять, попроси Мэри пойти с тобой. Но лучше почитай, судя по всему, будет дождь.

За окном и правда хмурилось. Впрочем, будет дождь в Лавауа или нет, сказать, наверное, мог только сильный стихийный маг – тучи над ним могли кружить целый день, но не проронить ни капли. А иногда припускал затяжной, мелкий,

с переходом в холодный ливень, напоминавший мне об Энгери. Хотя дождь – это ерунда. Гораздо больше стоит опасаться урагана, который сметет поместье. Не просто сметет, а выкорчует его вместе с фундаментом, если Анри еще хоть слово скажет!

К счастью, мне даже удачи не пожелали.

Муж засел в кабинете, а я в библиотеке. Где осознала свалившийся на меня объем работы, который предстояло изучить в самое ближайшее время. Чем и занялась вплотную до самого вечера, превратив голову в склад для расчетов и прочей информации по школе. Определенно, я немного иначе представляла себе работу по управлению, но реальность и ожидания зачастую не совпадают. Просматривая документы, делала себе пометки в блокнот – о том, что вызывало сомнения или было непонятно. Заодно писала вопросы, которые задам мадам Арзе в первую очередь. Это определенно помогало не думать ни о Винсенте, ни об Анри, поэтому я окунулась в документы по Равьенн и вылезать оттуда не спешила. Очнулась, только когда в библиотеку постучала Мэри и спросила, собираюсь ли я укладывать Софи, или этим заняться ей.

– Я уложу.

Для нас это стало традицией, которую я не хотела нарушать. Вот только сегодня мы вряд ли дождемся Анри.

Потянулась и поднялась, разминая затекшую спину. Только сейчас поняла, насколько устала: оказывается, цифры и

документы могут быть не менее утомительными, чем магия. Особенно если прибавить к этому веселое общение с братом и случившееся после. Сложила бумаги в папки, погасила светильник и вышла. Идти мне предстояло мимо кабинета мужа, и я буквально поймала свою руку на полпути к тому, чтобы толкнуть дверь.

Не дождется!

Из сна меня вышвырнуло, подбросило на постели, словно кто-то окатил ледяной водой. Эта вода сейчас бежала по венам, сердце гулко стучало в ушах, а браслет отчаянно пульсировал. За окнами стояла то ли ночь, то ли предрассветная темень, чернее которой не бывает. Спросонья ткнулась раскрытой ладонью в пустую половину постели: Анри рядом не оказалось, и тогда я подскочила снова.

Мэри влетела в комнату по первому зову, уже не сонная, но спешно оправляющая платье.

– Что случилось, миледи?

– Где граф?

Она стушевалась, но потом подняла глаза.

– Они с Жеромом уехали. Полчаса как.

– Зачем?

– Так... тренироваться, миледи.

Тренироваться?!

После того, как вчера весь день не вылезал из кабинета? Да его шатает от малейшего резкого движения!

– Поддай амазонку... Нет, лучше брючный костюм.

Мэри бросилась к гардеробной, а я расплела косу и принялась наскоро сооружать привычный пучок.

– Куда именно они поехали?

– К лесу. Кажется, в сторону Ларне.

– Кажется?

Ай!

От души ткнула себя шпилькой в темечко. Не так-то легко делать прическу, когда глаза слипаются – даже несмотря на то, что слияние бодрило получше пригоршни снега за шиворот. Волосы все-таки удалось закрепить так, что они больше не пытались развалиться – натыкав в них множество шпилек. Спустя минут пятнадцать я уже вылетела из дома и бежала к конюшне. Меня колотило то ли от яростной силы Анри, то ли от желания схватить его за плечи и трясти, пока не помнеет.

Перед глазами стояли всплески огненной магии, отражающиеся от смертоносного лезвия и рикошетиющие в землю. Даже думать не хотелось, что может случиться, если у Анри ненадолго закружится голова, а Жером не успеет поставить щит. Сжала зубы и прищпорила Искорку: искренне надеюсь, что не застаю их за этим занятием. Потому что если застаю, оторву головы! Все равно они ими не пользуются!

Ночью Лавуа казался черными: и лес, и поля, и широкий выюн стелющейся между ними ленты. Огненные всполохи засверкали, стоило свернуть вслед за дорогой – они отлично

просматривались в густой предрассветной синеве. Искорка всхрипнула, почуяв магию, но доверяя мне, послушно устремилась вперед. Кажется, Жером меня заметил, потому что фейерверк прекратился. Мужские силуэты, маячившие перед темными, вскинувшими руки-крючья деревьями, замерли. Стихло возмущенное карканье потревоженного воронья, кружащего над лесом. Птицы опускались вниз и собирались на ветвях черными комками – как раз в тот самый миг, когда я подлетела к мужу и его камердинеру.

Натянула поводья, спешила и решительным шагом направилась к ним.

– Вы, оба! Совсем с ума сошли?

Анри и правда стоял с мечом: даже в темноте, несмотря на холод, лицо блестело от пота. На бесстрастной маске выделялись глубоко запавшие глаза.

– Возвращайся домой, Тереза.

Жером быстрым шагом направился к лошадям, привязанным чуть поодаль.

– И не подумаю! Что ты творишь?

– Я сказал: возвращайся домой.

Он держал в руках иньфайский меч, накидка валялась на земле, поверх нее – ножны, а на рубашке темнели пятна пота. Едва заметно ссутулившись – как от усталости, тем не менее смотрел на меня жестко и холодно.

– Никуда я без тебя не поеду!

Сложила руки на груди и с вызовом взглянула на него.

– Как знаешь. Жером, продолжаем!

– Анри. – Негромко произнес тот, направляясь к нам.

– Продолжаем.

Камердинер пробормотал что-то неразборчивое, Анри же повернулся ко мне спиной и поднял меч. Жером смотрел на меня – через его плечо, но муж даже не пошевелился. Просто стоял и ждал: напряженный, натянутый, как струна. Под рубашкой четче обозначились мышцы, а пальцы, сжимающие рукоять, сливались с ней, словно меч стал его продолжением и расстаться с ним он мог только ценой собственной жизни. Эта же самая струна натянулась сейчас во мне, чтобы спустя пару мгновений лопнуть с оглушительным звоном.

Я отступила и пошла прочь. Взлетела в седло.

Развернула лошадь, не обращая внимания на выстроенный за спиной щит и полыхнувшее под ним пламя. Подчиняясь поводьям, Искорка перешла сначала на шаг, а затем на рысь. Дом встречал меня сонными темными окнами, хотя уже начинало светать. Вручив лошадь конюху, велела заложить экипаж и поднялась к себе. Попросила Мэри подать мне завтрак как можно скорее и отправилась в библиотеку за документами. Желает себя истязать – пожалуйста, не желает со мной говорить – его право! А мне пора всерьез заняться Равьенн.

В приюте, который милостью Эльгера теперь принадлежал мне, меня встречали уже совсем по-другому. То ли слава некромага подействовала, то ли мое новое положение, но директриса без устали щебетала, как же радостно превратить школу в удобное милосердному Всевидающему место. После кофе с вишневым пирогом лично вызвалась меня сопровождать и даже я сомневалась, что в этом мире существует сила, способная заставить ее замолчать. Прижимая пухлые ручки к груди, мадам Арзе говорила, говорила и говорила.

– Основной ремонт, сделаем, конечно, весной, мадам Феро. Но уже сейчас в спальнях появятся теплые одеяла, мягкие подушки, новое постельное белье, игрушки и книжки с картинками. Часть денег уже поступила на счет, и...

– А что вы до того времени собираетесь делать с окнами в классных комнатах и спальнях воспитанниц? Из них тянет холодом, как из могилы.

– Я уже пригласила рабочих. Через несколько дней все будет исправлено.

Надеюсь, им удастся заделать окна так, чтобы в помещениях можно было находиться, не отбивая зубами гимн Вэлеи. Здесь не такие холодные зимы как в Энгерии, но ночами заморозки случаются. И даже в нашем поместье временами становится неуютно, что уж говорить о долине.

– Я хочу лично переговорить с каждой из воспитательниц. – Заметив, как напряглась мадам Арзе, добавила: – В следующий раз. Подготовьте для меня личные дела, я их изу-

чу перед встречей.

Директриса кивнула, расправляя складки малинового платья. Надо отметить, желтый ей шел больше: в густой седине скрывались очень светлые волосы, маленькие глазки под белесыми бровями поблескивали, поэтому яркий цвет превращал мадам Мячик в моль, влипшую в пятно краски.

– И еще. Пригласите мадам Горинье. Нужно немедленно ее рассчитать с сохранением месячного жалованья.

На пухлом лице отразилось недоверие и растерянность, мадам Арзе нахмурилась.

– Но... но Сандрин Горинье старшая воспитательница. Она моя правая рука, и мне хотелось бы...

– Вам придется подыскать себе новую помощницу. А еще сообщить остальным, что в этой школе никто больше не посмеет тронуть детей и пальцем. – Здесь мне сегодня больше нечего было делать, поэтому я решительно направилась по коридорам, и директриса покатила следом.

– Мадам Феро, не принимайте поспешных решений. Сандрин – опытная воспитательница, к тому же она вдова, и о ней некому позаботиться...

Поспешным мое решение не было – с мадам Горинье все было ясно с самого начала. Эта женщина из породы людей, озлобленных на жизнь, на всех и вся вокруг и срывающая свое разочарование на беззащитных детях. Но судя по выражению лица директрисы, именно я сейчас была воплощением зла. Что ж, пусть так. Остановилась и обернулась, смерив

мадам Арзе холодным взглядом. Под которым она окончательно стушевалась и принялась крутить на пухлом пальце тонкое обручальное колечко. Насколько мне было известно из личного дела, которое нашлось среди остальных бумаг, ее муж в добром здравии. Странно, что они с супругой уже несколько лет не живут вместе, хотя до сих пор не в разводе.

– Вот поэтому мы рассчитаем ее с сохранением месячного жалования. Ей не стоит работать с детьми, а вам – ставить под сомнения мои решения. Сколь бы поспешными они вам ни казались.

Директриса побледнела и закивала – быстро-быстро.

– Конечно, мадам Феро.

Оставался еще один важный вопрос.

– Вы подготовили для нас документы по опекунству над Софи Фламьель?

– Да, да, конечно... – мадам Арзе всплеснула руками. – Только вам нужно приехать вместе с графом, чтобы их подписать в присутствии нотариуса.

– Разумеется.

Я задержалась еще ненадолго, чтобы побеседовать с воспитанницами и сообщить, что вскоре вместо бесконечных уборок, расчистки дорожек и шитья, у них появится личное время. Девочки смотрели на меня с недоверием, особенно старшие, но в глубине их глаз я видела смутную хрупкую надежду, и от этого на душе становилось особенно тепло. Разумеется, Равьенн – всего одна школа, а сколько еще таких...

Но мне бы очень хотелось верить, что я смогу вернуть этим детям радость. Подготовить их к жизни, которая, возможно, и не всегда будет баловать, но станет для них немного более яркой и не такой жестокой с самого начала.

Глядя на воспитанниц, отчетливо вспомнила Анри: как он протягивал Софи руку и улыбался. Сердце болезненно сжалось, а холодные иголки, покалывающие запястье, вернулись снова. Все время, что я была занята, удавалось не думать про мужа и про Винсента, но сейчас сожаление обрушилось волной, грозя затопить хрупкий замок шаткого спокойствия. Радость как рукой сняло, не спасали даже мысли о девочках. С каждой минутой наша ссора становилась все более далекой, но от этого не менее острой. Да, мне не следовало принимать Равьенн, не посоветовавшись с ним, вот только дело уже сделано. Можно подумать, я прыгаю от счастья из-за того, что Эльгер обратил на меня свое монаршее внимание!

На этой мысли, на пути к экипажу, меня и застал окрик мадам Горинье:

– Мадам Феро!

Обернувшись: воспитательница стояла чуть поодаль. Сейчас она казалась еще более костлявой и сухой, напоминая старую гнилую доску, ошетилившуюся занозами. Глаза ее горели ненавистью, узловатые пальцы побелели. Она подошла ближе и остановилась.

– За что вы меня рассчитали?

– За вашу жестокость. Вам здесь не место.

– Что вы знаете о воспитании! – Выкрикнула она. – О воспитании сирот, которых взрослая жизнь вышвырнет на улицу?

– Достаточно для того, чтобы понять, что страх и боль в глазах ребенка – это ненормально.

– Вы выросли совсем в другом мире!

Скажите это моему отцу.

– Мир для всех одинаков, – хмыкнула я. – И в моих силах сделать его немного лучше.

Худое лицо исказилось от злобы.

– Вы пожалеете. – Прощешила мадам Горинье сквозь зубы.

Рот ее, представляющий тонкую полоску, почти не открывался, хотя слова из него вылетали: скупые, жесткие, пропитанные ее внутренним ядом. Как она умудряется говорить и не отравиться – большой вопрос.

– Найдите себе занятие по душе, – посоветовала я, развернулась и подала руку кучеру, ставшему свидетелем этой сцены.

Устроилась в экипаже, и закрыла глаза. Ненависть мадам Горинье меня беспокоила мало, гораздо больше волновало то, что осталось в поместье. Несказанные слова, нерешенная обида – глубокая пропасть, которую я своим отъездом наверняка сделала еще глубже. Как назло, на Лавуа обрушился затяжной дождь, дорогу размыло, и экипаж полз просто с черепашей скоростью. Временами начинало казаться, что

если я сама потащу карету, так и то доберемся быстрее. Вода текла по стеклам, иногда даже не было видно, где мы едем, а потом и вовсе стемнело.

Добрались поздно. Встречал нас Жером, который раскрыл надо мной зонт и помог выйти. Пока мы бежали до дома, подол намок и превратился в тяжелую тряпку, которую теперь держал только кринолин. Но куда тяжелее была обида – я все-таки надеялась, что ко мне выйдет Анри. Видимо, зря.

– Миледи. – Я уже положила руку на перила, но обернулась на негромкий голос камердинера. – Ему тоже нелегко, можете мне поверить.

– Могу. Охотно! – Оттолкнувшись от перил, яростно стянула перчатки и приблизилась к Жерому вплотную. – А ты, вместо того чтобы помочь, решил его окончательно добить?

Вот теперь вернулись и досада, и утренняя злоба.

– Он же едва на ногах держится!

– Сегодня ему значительно лучше.

Камердинер говорил негромко, и я тоже невольно понизила голос.

– Исключительно от ваших смертельных трюков, разумеется.

– И поэтому тоже.

Нет, с ними бесполезно говорить. И ладно бы Анри – у того вообще инстинкт самосохранения отсутствует, но Жером-то мог бы и не потакать ему в этих самоубийственных мотивах!

– Если вдобавок к золотой мгле моему мужу придется лечить ожоги, я похороню тебя в саду. Лично.

– Миледи, не мне вас учить жизни, но... для него сейчас это лучшее лекарство.

Именно после таких слов все обычно начинают учить жизни.

– Перестаньте его защищать. И позвольте ему защищать вас.

– Когда мне понадобятся твои советы, – я стянула накидку и вручила Жерому вместе с перчатками, – обязательно тебя разыщу. А до той поры держи их, пожалуйста, при себе.

Взгляд его подернулся инеем. Камердинер склонил голову и отступил в сторону.

– Да, миледи.

– Скажи Мэри, пусть зайдет ко мне.

Взлетела по лестнице, с треском захлопнула за собой дверь и дергать нижние крючки платья, пытаюсь его расстегнуть.

Ай, да чтоб тебя!

Рука сорвалась, больно дернуло ноготь. Я сунула пострадавший палец в рот.

– Вернулась?

На пороге стоял Анри. Лицо бледное, а взгляд... С таким хорошо на куропаток охотиться. Посмотрел – и птицы сами на землю падают, а некоторые еще и ползут в сторону собак, как зомби-добровольцы.

– Вспомнили, что у вас есть жена?

– Если бы жена не исчезала неизвестно куда без предупреждения, было бы гораздо проще.

– Кому?

– Всем.

– К вашему сведению, Мэри знала, куда я исчезла. А как вы сами вчера сказали, у меня есть дела в Равьенн, которыми нужно заниматься.

– Еще у тебя теперь есть дочь, которой нужно заниматься. Или ты о ней забыла?

Ах ты...

Я развернулась, вплотную приблизилась к нему.

– Я оставила Софи всего на один день. Пока Марисса ищет гувернантку, Мэри счастлива проводить с ней время. Или вы переживаете, что придется заниматься ей самому? Ну так не переживайте, никто вас не заставляет!

Анри прищурился, потом развернулся и стремительно вышел из комнаты. В закрытую дверь полетела сначала баночка с кремом, а потом гребень. Не поленилась, стянула башмак и от души запустила вслед за ними – как раз в тот момент, когда на пороге появилась Мэри.

– Ой!

Камеристка успела увернуться, но мне все равно стало стыдно. Настолько, насколько это возможно, когда хочется убивать.

– Помоги переодеться, – буркнула себе под нос. – И по-

проси подать ужин в комнату Софи. На двоих.

– На двоих? – осторожно уточнила Мэри, закрывая дверь.

– Да!

Сказал, чтобы я занималась дочерью, буду заниматься.

Я вообще послушная жена, теперь буду делать только то, что мне сказано. И посмотрим, как вам это понравится.

8

За завтраком я делала вид, что меня совершенно не касается все, что происходит по другую сторону стола. Так же, как и то, что сегодня мы спали каждый на своей половине кровати, спиной друг к другу, что Анри завернулся в покрывало и что рано утром снова поднялся на тренировку. Сейчас он отгородился газетой, наверняка прочитанной вдоль и поперек, а я – документами по Равьенн. Софи, которая смотрела то на меня, то на него, неожиданно отодвинула тарелку с кашей и громко поинтересовалась:

– Вы что, поссорились?

«С чего бы», – хотела сказать я, но мои мысли слово в слово негромко озвучили из-за газеты, поэтому я решила промолчать. Не хватало еще эхом с ним разговаривать!

– А почему тогда все утро молчите?

Как-то я не подумала про детскую непосредственность.

– Потому что я занята.

– Так занята, что держишь отчет вверх ногами, – заметил

Анри. – Видимо, от усталости.

Ах, так?

– А ваша газета недельной давности, – фыркнула я. – Что, свежие новости не интересуют?

– Какое хорошее зрение!

– Не в пример некоторым, которые не видят дальше своего носа.

– И что же я, по-твоему не разглядел?

– Да вы и слона не заметите, если он постучит вам хоботом в окно!

У Анри дернулся уголок губ, а я с трудом удержалась от того, чтобы показать мужу язык. Еще отчаянно хотелось вспомнить тоскливые дни на океанском побережье и сообразить какое-нибудь зелье. Например, с пятнистым высокорослым лопухом, чтобы муж потом с неделю сводил желто-зеленые пятна и надолго забыл о своем ехидстве. Впрочем, кто его знает. Может, ему понравится.

После завтрака мы с Софи занимались энгерийским, и надо отдать ей должное, она схватывала на лету. Пока остальным наукам девочку предстояло учить Мариссе: хороших новостей о гувернантках у нас по-прежнему не появилось. Видимо, случившееся во время благотворительного сезона еще слишком живо. Сложно придумать страх сильнее страха смерти, а в глазах людей я была ею. По-хорошему, эта часть моей силы еще самая светлая, если так можно выразиться.

Некромагов ненавидели не только за связь с потусторон-

ней тьмой, но и за то, сколь цинично и безжалостно они ей управляют. Я не поднимала нежить, не создавала монстров из человеческих останков и не повелевала ими с помощью собственной крови. Впрочем, Роберт Дюхайм тоже не ставил экспериментов на полуразложившихся телах и не хоронил себя заживо под заклятием, чтобы восстать после смерти. Даже его имя было предано забвению, хотя он освободил свою страну. Из-за того, как он это сделал.

Поскольку Равьенн в ближайшие дни моего внимания не требовала, я отправилась в библиотеку. Нашла книги, посвященные брачным церемониям и ритуалам мира, в одной из которых как назло обнаружилось детальное описание харри-ма с иллюстрациями и последовательностью движений. Не сказать, что я собиралась с мужем играть и тем более проигрывать, но танец меня заинтриговал. Изобразить это в нарядах современной вэлейской моды не представлялось возможным. А вот в коротеньком нижнем платье – вполне.

Ну а что? Научусь танцевать харрим, станцую его мужу, и... уйду спать!

Преисполненная самых коварных мыслей, утащила толстенный том в спальню, где кое-как разделась без помощи Мэри: не хватало еще, чтобы она задумалась, зачем мне это посреди дня. Замерла перед зеркалом, разглядывая себя: на-мийские женщины в большинстве своем невысокие и пышнотелые, а еще гибкие от природы, как дикие кошки. Да и вообще я смутно представляла себя в наряде, если так мож-

но назвать разукрашенный камнями лиф, прикрывающий грудь, короткие штанишки, облегающие попу и полосочки ткани – юбку с разрезами, которая во время танца двигается волнами и в конце раскрывается цветком. Вот у Луизы точно получилось бы изобразить что-нибудь подобное, или у Софи – она так потрясающе танцует. Что же насчет меня...

– Не попробуешь – не узнаешь, – заявила я вззирающему снизу вверх Кошмару.

Тот согласно мурлыкнул, запрыгнул на кровать и принялся на ней сосредоточенно топтаться.

Спустя час я напоминала себе деревяшку, которую чудом научили ходить, двигаться и поворачиваться. Положение осложнялось еще и тем, что танцевать приходилось без музыки, а отражающее мои потуги зеркало рисовало глазам странную девицу: пыхтящую, старающуюся повторить «волнующий изгиб плеча», которая дергалась как марионетка на ниточках кукловода. Музыка, к слову, тоже нужна была особенная – ритм из звона странных надевающихся на пальцы шуток и напийских струнных инструментов, напоминающих лютню. Не бросала я из чистого упрямства, снова и снова заставляя себя повторять описанные на страницах движения. Там же были приведены и методики, как правильно расслабляться перед танцем, как правильно дышать, как работать бедрами, мышцами живота и груди. И чем больше я пыталась «работать», тем отчетливее представляла цирковой номер, на котором от смеха помрут все зрители.

Хорошо хоть этот кошмар не видел никто, кроме Кошмара.

Откинув налипшие от усердий на лоб пряди, я подошла к окну и увидела мужа. Прислонившись плечом к ротонде, которая из этой спальни основательно сместилась влево, он смотрел в сторону дороги. Лоза, обвивающая колонны, потемнела и ссохлась, Анри неосознанно гладил ее пальцами, повторяя переплетения и сгибы. Браслет потянуло, и я привычно потеряла запястье. Голова закружилась, а потом словно увидела дорогу глазами мужа: серую ленту, расстелившуюся между утративших яркие краски полей.

Дорога, на которую он наверняка смотрел не раз. Совершенно иначе.

Случившееся в замке Эльгера навсегда отрезало возможность использовать силу хэандаме. Силу, на которую Анри делал ставку в борьбе с человеком, лишившим его родителей. Силу, которую он потерял из-за меня и сейчас оказался не только беззащитен перед Эльгером, но по сути, стал для него бесполезен. Под угрозой не только цель всей его жизни, но и те, кем он больше жизни дорожит. Единственное, что сейчас держит Анри – магия Жерома, отраженная смертоносным лезвием шиинхэ. И, пожалуй, мы с Софи. Но из меня паршивая получается держалка.

Я бы сказала, никакая.

Оттолкнувшись от стены, лихорадочно заметалась по комнате в поисках чего-нибудь, что быстро застегнется и с

чем не придется возиться полчаса. Платье с пуговицами на груди, которые я застегнула через одну, и, по-моему, на одну петельку выше, чем положено. Но сейчас это не имело ни малейшего значения: набросила сверху накидку, подхватила волочащуюся по полу юбку и вылетела из комнаты. Чудом не скатившись по лестнице, почти врезалась в Жерома. Тот едва успел меня поддержать под локоть, но я уже бежала к дверям. Распахнула створки, нырнула в прохладную позднюю осень, и остановилась только когда Анри обернулся.

Я дрожала – то ли от переполнявших меня чувств, то ли от холода.

Дрожала и смотрела ему в глаза, но не двигалась с места. До тех пор, пока он не протянул мне руку. Коснулась его пальцев и обняла, согревая и согреваясь.

– Прости меня, – прошептала еле слышно.

Запрокинула голову, глядя в любимые глаза, чтобы услышать ответ.

– Прощаю, – невозмутимо заявил муж.

Но прежде чем я успела возмутиться, меня уже целовали. Так, что весь остальной мир стал далеким и неважным.

Во второй половине дня мы вышли прогуляться. Софи попыталась было увязаться с нами, но после короткого разговора с Анри поплелась следом за Мариссой постигать премудрости правописания. Мне бы тоже не помешало постичь премудрость, которая поможет вернуть Анри уверенность в

себе: за обедом я все размышляла о сказанном Жеромом. На резкость и жесткость в свое время пеняла еще Луиза, но видимо не допеняла. Ну не замечаю я, когда и что делаю не так! Сдается мне, дело вовсе не в стрельбе глазками и развороте плеч. Ладненько, будем пробовать. Я даже веер с собой взяла – памятуя о том, что это главное оружие леди в нелегкой игре с мужчинами. Главное, достать его поизящнее.

– Умеешь ты быть строгим, – понизив голос, сказала я, когда мы перешли мостик.

И прильнула к нему как можно мягче.

– Во всей строгости ты меня еще не видела.

– Неужели?

Какое же это счастье, вот так держать его под руку и просто идти рядом. Сегодня было не в пример вчерашнему тепло, в платье и плотной накидке было даже слегка жарковато. Солнце, не такое низкое как в Энгерии, слепило, пришлось нахлобучить шляпку поплотнее, чтобы поля отбрасывали тень на лицо. Увлеченная этим занятием, поймала на себе взгляд мужа и улыбнулась.

– Что?

– Выглядишь очаровательно.

Наверное, пора бы переставать краснеть от комплиментов, но не могу. А вот сейчас как раз можно вытащить оружие. И прикрыть им половину лица, которую не закрывает шляпка... Ай! Вместо того, чтобы раскрыться медленно и соблазнительно, он раскинулся как хвост павлина, увидев-

шего самку.

– Зачем тебе веер?

Я принялась усиленно обмахиваться.

– Взяла на всякий случай. Как-то сегодня жар...

Тьфу! Порыв ветра шлепнул меня прядью волос по губам.

– ... ко. – Под пристальным взглядом Анри сочинять мигом расхотелось. – Это я маскируюсь.

– Под кого?

– Под нормальную леди, разумеется.

– Да, до нормальной тебе далеко.

Я захлопала ресницами и шутливо стукнула его по руке веером. Видимо, слишком сильно, потому что веер вырвался из пальцев и улетел в ямку. Анри проследил его полет, а многозначительное молчание красноречиво задавалось вопросом: «Что это сейчас было?»

– Ничего, – буркнула я.

– Что?

Вместо ответа полезла доставать несостоявшееся оружие, но столкнулась с мужем. Точнее, это он врезался в поля моей шляпки, от чего та слетела за спину. Я вспомнила, что Луиза говорила про упавший платочек и отскочила в сторону, словно увидела змею. Анри все-таки отряхнул злополучный веер и подал его мне. Поднялся, пристально вглядываясь в лицо, но я сделала вид, что любуюсь осенним небом.

– А в Лавуа бывает снег?

Небо было безоблачным. Муж прищурился.

– Раз в два-три года выпадает, но надолго не ложится. С тобой все в порядке?

Справедливо рассудив, что сейчас – когда между нами только-только восстановилось хрупкое перемирие, Энгерию лучше не вспоминать, покачала головой.

– Да. Просто стало интересно. Ну... Пойдемте... пойдем дальше?

Дальше мы пойти не успели: из-за поворота вырвался экипаж, который стремительно приближался. Анри не изменился в лице, лишь крепко сжал мою руку, когда кучер неожиданно натянул поводья. Дверца распахнулась, и навстречу нам выскочил щеголеватый светловолосый мужчина в черном пальто, с запахнутым поверх длинным шарфом.

– Граф! – Молодой, его можно было бы даже назвать привлекательным, если бы не бегающие глаза, жадно впившиеся в нас. – Меня зовут Рено Фортискье, «Ольвиж сегодня», у вас найдется время ответить на несколько вопросов?

Все произошло настолько быстро, что я даже ничего не успела понять. В последнее время журналисты в Лавуа не наведывались: казалось, они о нас забыли. Но если и забыли, теперь вспомнили.

– Если у вас есть ко мне вопросы, договоритесь о встрече с моим камердинером, – Анри не изменился в лице. Привычная маска светской учтивости, с которой я впервые увидела его на празднике Уитморов, могла принадлежать скучающему аристократу, уставшему от уединенной жизни в своем

поместье.

– Это непросто, граф, и вы прекрасно это знаете. Мой коллега потратил несколько дней, чтобы встретиться с вами, но тщетно. Почему вы отказываетесь говорить с прессой? Вам есть что скрывать? Возможно, ваша супруга согласится со мной переговорить?

Голос у Фортискье был поставлен отлично. Громкий и сильный: достаточно для того, чтобы даже кучер покосился в нашу сторону. На меня же нашел странный ступор, словно я внезапно оказалась посреди шумной толпы, в которой меня – как когда-то маленькую девчонку, снова швыряло туда-сюда людским потоком. Цепкий колючий взгляд журналиста ощупывал мое лицо, словно желая сфотографировать мою растерянность и запечатлеть ее на страницах своей газетенки, не прибегая к достижениям науки.

– Мне нечего вам сказать.

Муж развернулся, увлекая меня за собой, но Фортискье бросился вперед, как бойцовский пес, преграждая нам путь и разве что не скаля зубы.

– Правда, что визит его светлости де Мортена – брата вашей супруги – никак не связан с политикой? Он пробыл в Ольвиже всего несколько часов, и, насколько мне известно, очень быстро покинул Лавуа. С чем это связано? Его тоже не устраивает ваш брак? Как получилось, что почти утраченную магию смерти объединили с силой хэандаме? Этого хотели ваши родители? Чего они добивались?

Запястье сдавило так, словно на мне защелкнули кандалы.

– Уйдите. С. Дороги. – Впервые слышала, чтобы Анри так цедил слова.

Муж ускорил шаг, хотя казалось – куда уж быстрее. Я с трудом за ним поспевала, но Фортискье не отставал. Спину покалывало иголочками любопытства кучера, и я надеялась, что мы успеем дойти до дома прежде, чем Анри свернет назойливому журналисту шею. Отчаянно хотелось размазать по самоуверенной физиономии газетчика его же собственное нахальство. Хотя можно и то, что оставила в колее лошадь.

– Я побывал в вашем родовом замке. Причиной трагедии стала вырвавшаяся из-под контроля сила вашего отца, я ничего не путаю? Почему он не носил камень мага? Сейчас его носит ваша жена, верно? Перстень пыталась стащить горничная, над которой вскоре состоится суд. Ваша жена тоже не способна совладать с магией? В замке был пожар, но вокруг него не осталось ничего живого. Что там случилось, граф? И как давно?

Анри остановился так резко, что я самую капельку улетела вперед.

– Оставьте мою семью в покое, – процедил Анри, ярость которого бушевала в моих венах, грозя стереть с лица земли и Ларне, и злосчастного газетчика. – И убирайтесь с моей земли.

Ростом тот ощутимо уступал мужу: светлая макушка едва

доставала до плеча Анри, но журналист даже не попятился. Вскинул свой худой подбородок, погрузив руки в карманы.

– Я – представитель прессы, граф. Я имею полное право находиться даже на территории военных действий.

– В таком случае будьте готовы к тому, что вас может зацепить осколком.

– Вы мне угрожаете?

– Как угодно.

Анри снова сжал мою руку, и мы быстро зашагали к дому. Перешли каменный мостик, точнее, почти перебежали. Сердце колотилось так, что казалось вот-вот выскочит через горло. Лицо мужа просто окаменело, я же мягко сжимала его руку, стараясь разбить набирающую новую яростную волну. До ступеней оставалось несколько ярдов, когда навстречу нам вылетела Софи: счастливая и раскрасневшаяся, со сбившейся на затылок шляпкой, из-под которой выбивались волосы, на ходу завязывая тесемки накидки – видимо, собиралась в спешке.

– Марисса отпустила меня погулять... о... вы уже возвращаетесь? А что это за человек?

– Это ваша воспитанница? О своих детях вы не задумываетесь? У вас могут быть свои дети, граф? Как сила ребенка хэандаме подействует на вашу жен...

Зрачки мужа превратились в две крохотные точки, вокруг которых заплескалось расплавленное золото. Неожиданно стало нечем дышать, по телу прошла волна жара, и

прежде чем я успела перехватить его руку, сильный удар в челюсть опрокинул журналиста на землю – в подсыхающую после вчерашнего лужу. Софи взвизгнула, из-под щегольско-го зада брызнула грязь. Фортискье перекосило от злобы, одной рукой он зажимал разбитый нос, другую вскинул как знамя.

– Я этого так не оставлю!

– В ваших же интересах оставить, – отчеканил Анри. – Или я вас засужу за оскорбления в адрес моей жены.

После чего развернулся, подхватил меня под руку, увлекая за собой. Софи метнулась обратно к дверям, распахнула их перед нами.

Умница, какая же она умница, наша девочка.

Теперь меня трясло не от ярости: от золотой мглы, ненадолго получившей свободу, когда Анри вышел из себя. Даже представлять не хочу, каких усилий ему стоило ее удержать, когда приезжал Винсент. Да и просто удерживать, каждый день.

– Вы не сможете скрываться вечно! – донеслось из-за спины. – Рано или поздно вам придется...

– Пошел вон! – не сразу поняла, что этот звенящий от злобы голос принадлежит мне.

Я обернулась и вскинула руку. Дорожка тлена сорвалась с моих пальцев, потекла по ступенькам, и журналист с завидной прытью припустил к мостику. Преодолеl его, не оглядываясь, и лишь когда подбежавший Жером захлопнул за на-

ми двери, наткнулась на тяжелый взгляд Анри. Не сказав ни слова, кивнул камердинеру, и тот последовал за ним. Софи подбежала ко мне, уткнулась лицом в платье. Я гладила ее по голове, когда из внутреннего кармана накидки вывалился идиотский веер.

Я смотрела на него и думала, как мне найти лекарство для мужа. Лекарство от золотой мглы, выжигающей не только его тело, но и душу.

9

Анри в кабинете не оказалось. Зато был Жером: стоял у окна, сложив руки на груди и обернулся, когда я вошла. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга – после моей недавней резкости наши отношения стали самую малость более прохладными, чем обычно. А может быть, и не малость, но выяснять это сейчас не время. На столе мужа царил идеальный порядок – только пустой бокал выбивался из общей картины, но вряд ли в нем был коньяк. Горьковатый запах иньфайской настойки я теперь ни с чем не спутаю. Равно как и ее вкус на губах.

– Где он?

– Наверху.

– Я только что оттуда, и...

– На чердаке. Он на чердаке, миледи. Но если я вас попрошу сейчас туда не ходить, вы же меня неслушаете, верно?

– Спасибо.

Жером невесело усмехнулся, но ничего не сказал.

Я вышла из кабинета и направилась туда, где пряталась от всех после отъезда Винсента. До самой последней минуты надеялась, что именно брат поможет разобраться в том, что творится с Анри. Знаю, что ему не помочь магией, но Винсент знаком с учением армалов, и наверняка лучше остальных знает, что и где искать. Как все исправить. Хотя теперь это неважно: Анри стал для него врагом, а пленных он не берет, и уж тем более не спасает. Скоро из Иньфая должны прислать еще настойки, но она лишь помогает приглушить мглу.

Впрочем, оставался еще один вариант, к кому можно обратиться за помощью.

Эльгер.

Дверь на чердак была приоткрыта, но я все-таки постучала. Не дождавшись ответа, вошла и обнаружила мужа привалившимся спиной к раскрытому сундуку. В руках он держал пожелтевший от времени листок бумаги, на котором темнели въевшиеся чернила строк. Подошла и осторожно села рядом с ним, в приглушенном закатном солнце пыль от юбки взмыла ввысь и теперь кружилась вокруг нас золотыми искрами, медленно оседая. Мои следы были хорошо видны – тянулись дорожками между окном, дверью и сундуком. Следы мужа вели сразу к сундуку.

– Думаешь, я туда уже заглянула?

– Знаю, что нет.

– Я тут просто посижу, хорошо? – спросила я и оглушительно чихнула.

Унявшаяся было пыль снова взметнулась в воздух, Анри коротко улыбнулся и протянул мне письмо.

«Мой дорогой Анри,

если ты прочитаешь это письмо, значит, мы с отцом навсегда остались в Вэлее.

Возможно, людям будет сложно понять, почему я так поступила, но твой отец – моя жизнь, и так было всегда. С самой первой минуты, когда я его увидела, мое сердце билось только ради него, а теперь оно разрывается. День, когда появился ты, стал для меня одним из самых счастливых дней, но сейчас я не могу оставить Адриана одного. Только моя сила – которая течет и в твоих венах, способна защитить его от человека, который нам угрожает. Только она и способна, но если ты читаешь эти строки, значит, я не справилась.

Мой милый мальчик, я всегда буду тебя любить, на земле или на небесах.

Заклинаю тебя всем, что дорого, никогда не возвращайся в Вэлею. Там, куда ты отправишься, тебя ждут прекрасные люди и новая жизнь, в которой человек, от которого мы бежали, никогда тебя не найдет. Одна лишь мысль об этом смягчает мои терзания, и заставляет чувствовать

себя счастливой. Не позволяй ненависти и злу поселиться в твоём сердце и не ищи мести, кто бы к тебе ни пришел и о чем бы тебя ни просили.

Надеюсь, что однажды рядом с тобой появится женщина, которую ты будешь любить так же, как я люблю твоего отца, и как он любит меня. Не обращай внимания на титулы и ранги, выбирай сердцем. Живи этим чувством, и пусть ваша жизнь пройдет в стороне от магии и дворцовой роскоши, она будет принадлежать только вам.

*Навсегда с тобой,
любящая тебя мама
Н. Ф., графиня де Ларне»*

Я сглотнула: где-то в груди застывали непролитые слезы, которые неосознанно попыталась стереть со щек, чтобы не упали на бумагу. Строки, написанные рукой леди Николь, с характерными изящными завитками у заглавных букв, особенно заметными у «М», «Н» и «В», до сих пор стояли перед глазами. Медленно протянула письмо Анри: смотрела, как он его складывает и убирает конверт в сундук.

– Не очень-то хорошо я справился с ее просьбой, верно?
Муж усмехнулся.

– Сколько тебе было?

– Мама отдала его перед отъездом. Сказала, оно для людей, у которых мне придется пожить какое-то время. Когда

мне исполнилось двенадцать, письмо вернули нераспечатанным.

Он говорил спокойно, словно погрузившись в транс. Я не чувствовала ни застарелой тоски, ни грусти, как впервые на развалинах замка Ларне. Хотелось закричать, или заставить закричать его – чтобы выплеснул все забитое на самую глубину души, тлеющее там и отравляющее его жизнь ядовитым дымом из прошлого. Заставить бы мужа расколотить что-нибудь, да хоть тот же сундук пнуть, вместо этого я просто сидела рядом, едва касаясь сильной руки.

– Сказала: «Анри, мы приедем позже. Просто слушайся Джульетт, договорились? И в дороге не отходи от нее далеко». – И я ответил: «Хорошо, мам». – Последнее, что я ей сказал, но тогда я действительно думал, что они приедут. Мы могли бы уехать все вместе, но отец задержался в лабораториях Эльгера. Я подслушал несколько фраз, за пару недель до того, как меня увезли. «Не волнуйся. Это его удержит», – сказал отец. – «Этого человека не удержит ничто», – ответила мама. – И оказалась права.

Анри говорил, не глядя на меня, но дотянулся до моей руки и сжал так крепко, словно только я могла его удержать. И я сжала его руку в ответ – двумя, согревая между ладонями. Обычно это он полыхал, словно свечка, но сейчас пальцы мужа были просто ледяными. И еще самую капельку пыльными. Я поднесла их лицу, вдыхая слабый запах старой бумаги и прижалась к родной ладони губами.

– В Маэлонии на меня вышли вэлейские спецслужбы. Решили, что пришла пора вернуться и послужить на благо своей страны, что из меня получится отличное орудие, и не ошиблись.

– Ох.

Наверное, даже если бы я не знала, что муж работает на Комитет, и то удивилась бы меньше. Не ждала, что он мне скажет об этом. Тем более сейчас.

– Ты все еще хочешь со мной быть? – Анри посмотрел мне в глаза, но теперь в сердце натянулась невидимая струна. Мой ответ для него был действительно важен, он и в самом деле отчаянно боялся меня потерять. Хотя и пытался этого не показывать всеми силами – лицо оставалось бесстрастным, а взгляд спокойным. Ох уж эти мне... мужчины!

– Я хочу тебя треснуть, – заявила я и отняла руки. – И тресну, если еще раз скажешь что-нибудь в этом духе. Мы кажется, все уже решили. Или нет?

– Этот падальщик прав, Тереза. У нас никогда не будет своих детей. А от меня всегда будет пахнуть иньфайскими травами.

Я закатила глаза – исключительно, чтобы свернуть со скользкой темы о детях. Не была уверена, что сейчас готова об этом говорить. Не уверена, что вообще когда-нибудь буду готова.

– Не сыром Круа же, – хмыкнула.

– То есть если бы от меня пахло сыром Круа, ты бы меня

бросила?

– Насчет бросила – не знаю, но спал бы ты точно один.

Анри улыбнулся – искренне, светло, и я показала ему язык. Муж попытался сграбастать меня в объятия, я попыталась вскочить, в итоге мы плюхнулись в пыль и подняли такое облако, что расчихались уже вдвоем. Так оглушительно и громко, что у меня зазвенело в ушах. Когда кружащиеся над нами пылинки улеглись – на волосы, лица, одежду и в целом куда попало, мы оба лежали на спине, едва касаясь друг друга мизинцами, и смотрели на своды покатой крыши, удерживаемой балками. Сквозняк приподнимал шлейфы паутинок, заставляя их вздыматься и опадать. Солнце уже почти зашло, осталась только тонкая полоска на дальней стене, раскрасившая дерево в красноватые тона.

– Я поговорила с Софи. Сказала, что мы не совсем... обычные.

Красная полоска становилась все меньше и меньше, таяла на глазах.

– Или совсем необычные?

– Она задала тот же вопрос.

Анри повернулся ко мне, я к нему, и теперь мы почти касались друг друга подбородками.

– И совсем не удивилась, что обидно.

– Даже не напугалась?

Я клецнула зубами в дюймах от его лица, муж шутливо дернулся, а потом щелкнул меня по носу.

– По-моему, теперь она от нас еще в большем восторге.

Софи отнеслась к моей откровенности со свойственным детям любопытством. Заодно рассказала, что теперь не расстаётся с картами, а со мной всегда выпадает смерть. Поэтому она уже догадывалась о моей магии. А вот сила Анри стала для нее откровением, потому что она никак не могла объяснить карту «солнце», появляющуюся рядом с ним в раскладе. У меня в мыслях засело еще одно толкование – символ Лиги, которое мне совсем не нравилось, но об этом я решила не говорить. Ни Анри, ни тем более Софи. Которая здорово расстроилась, когда узнала, что ни он, ни я не станем ей ничего показывать и тем более знакомить с призраками.

– Чудо, а не девочка.

– Чудо, – согласилась я.

Последний отблеск света погас, и чердак погрузился во тьму. Теперь в маленьком окне пламенел краешек неба.

– Я подумала... насчет журналистов. – Снова повернулась к мужу. – Возможно, нам стоит пригласить кого-то поприятнее Фортискье и все им рассказать. Например, того писака из «Вестника». Чем больше мы скрываем и скрываемся, тем хуже. В том числе для Софи.

– Я тоже об этом думал.

– И?

– Ты выдержишь пару часов допроса?

Анри смотрел внимательно и серьезно.

– Ну... я не стану выдавать, что пыталась повторить запре-

ценное заклинание призыва куклы-убийцы, когда мне было двенадцать. Разве что все узнают, что в подвале Мортенхэй-ма живет мой необычный друг.

– Кукла-убийца?

Анри фыркнул, и я улыбнулась тоже. Кажется, прошлое меня по-настоящему отпустило. Разумеется, про Луни это была шутка, но на миг и впрямь посетила хулиганская мысль устроить такую маленькую месть Винсенту за то, что он устроил нам.

– Ага. Отец мне тогда доходчиво объяснил, что этого делать не стоит. А ты? Справишься с расспросами о родителях?

– Рядом с тобой я справлюсь со всем. У тебя паутинка на волосах.

– Паука там, надеюсь, нет?

– Если он там и был, то уже уполз.

Он сильнее сжал мою руку, я потянулась к нему. Закат окончательно растворился в осенних сумерках, а мы утонули в глубоком поцелуе с привкусом прошлого.

10

Дорога петляла между полей, скрывалась под колесами кареты и стремительно приближала нас к городу. Первая зимняя ярмарка в Ларне, моя первая зимняя ярмарка. Даже хорошо, что первая: никаких воспоминаний о тех, что

проходят в Энгерии. У нас, например, в это время уже лежит снег, а здесь за всю осень еще ни снежинки не выпало. Я смотрела на мелькающие за окном картины – деревья без единого листочка, темные мерзлые поля, и старалась не думать о Мортенхэйме и Лигенбурге. Анри вскоре предстояло подводить итоги года и надолго засесть в своем кабинете, а мне – разбираться с отчетами мадам Арзе по Равьенн. Вот и хорошо: чем больше дел, тем меньше ненужных мыслей.

– А мы поедem в Энгерию? – Софи болтала ногами, глядя на нас.

И об этом уже знает! Откуда только? Хотя догадываюсь, откуда.

Софи даже мертвеца разговорит – и некромагия тут ни при чем, но стоит намекнуть Мэри, что надо поменьше болтать. Она-то, конечно, спит и видит, как побывать дома – у нее там осталась сестра с мужем и племянниками, но вот я совершенно не горю желанием выслушивать от Винсента «комплименты» и постоянно следить, чтобы они с Анри не сцепились. Из Мортенхэйма по-прежнему не было ни единого письма, а нам, по-хорошему, нужно написать матушке уже сейчас. Поизящнее объяснить, почему мы не сможем присутствовать на зимнем балу. Хотя, предполагаю, что даже объяснять ничего не придется. Уж матушка-то наверняка во всем поддерживает Винсента, и сейчас думает только о том, как поизящнее написать нам, чтобы мы не приезжали.

– Мы пока не решили, Софи, – ответил Анри.

Я чуть не поперхнулась. Что он там решать-то собрался?

– А когда решите?

– Скоро, – муж мне подмигнул. – До праздника еще полтора месяца, но билеты стоит приобрести заранее.

– Почему? – Девочка с любопытством посмотрела на него.

– В зимний сезон вагоны первого класса перегружены: основные дела закрыты, балов не предвидится, поэтому все отправляются друг к другу в гости.

– Я хочу увидеть снег! – воскликнула Софи. – В Энгерии зимой ложится снег, мадемуазель Риа там бывала, как раз на Праздник зимы! Она рассказывала, что это очень красиво – везде огоньки, фонарики, пушистые белые сугробы... А еще я видела на картинках снеговиков! Давайте поедem, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Укутанные снегом деревья, чьи ветви под тяжестью склоняются к земле. Припорошенные дорожки и морозный воздух. Ветер в лицо, обжигающий щеки мороз и развевающаяся грива Демона... Снег похрустывает под ногами или валит огромными пушистыми хлопьями, и тогда, если задержаться на улице, ты сама превращаешься в снеговика. Входишь в холл, Барнс стряхивает накидку и уходит, а по лестнице уже спускается матушка, чтобы сказать: «Тереза, только посмотрите, на кого вы похожи! Опять покраснелись, как простая девица!»

Я представила все это так отчетливо, словно уже была там.

– Ничто не мешает нам устроить праздник в Лавуа, – ска-

зала поспешно.

Ай!

Анри незаметно ущипнул меня за локоть.

Незаметно-то незаметно, но синяк останется заметный.

– И все равно я не вижу смысла ехать куда-то, чтобы...

Ай! Я с силой ткнула мужа локтем, и он поморщился. А вот нечего меня щипать!

– В Равьенн никогда не отмечали Праздник зимы, – негромко сказала Софи. – Мы просто ложились спать, а утром нам давали печенье, и у нас был целый выходной.

Очень кстати мы об этом заговорили. Надо дать мадам Арзе поручение позаботиться о подарках и праздничном ужине, тем более что в Равьенн дела стремительно шли на лад. Девочки больше не выглядели запуганными и не опускали постоянно глаза. На место мадам Горинье пришла другая женщина, которая всю жизнь проработала гувернанткой в богатых семьях – именно ей предстояло помогать директрисе управлять школой. Я лично переговорила со всеми воспитательницами и решила, что менять преподавательский состав не имеет смысла, тем более что новые правила устраивали всех. А если кто-то и считал телесные наказания, суровую работу в мастерских и в саду хорошими воспитательными мерами, то оказался достаточно умен, чтобы не сообщать мне об этом лично.

– Но ты теперь не в Равьенн, – заметила я.

Недавно мы с Анри выбрались в школу, в присутствии но-

тариуса и мадам Арзе подписали все необходимые документы. Софи стала нашей воспитанницей официально, а бумаги, подтверждающие это, теперь лежали в сейфе мужа. Не сказать, что для меня что-то серьезно изменилось, но я почувствовала себя спокойнее. Словно зомби с души свалился. Интервью с журналистом из «Вестника» тоже прошло замечательно в отличие от Фортискье, вел он себя крайне корректно. Обещал сделать все от него зависящее, чтобы общество взглянуло на нашу семью с другой стороны. Заранее согласовал вопросы с Анри и оговорил темы, которых желательно избегать, а после выхода статьи нам прислали несколько экземпляров газеты и письмо от главного редактора, в котором тот выражал благодарность за сотрудничество. Пришлось пооткровенничать – насколько это было возможно, но зато нас оставили в покое.

Словом, последние две недели прошли крайне насыщенно, поэтому я была искренне рада выходному. И не я одна, Софи просто сияла – за последние дни у нас побывало несколько гувернанток, претендующих на место. Пусть пока мы ни на одной из них не остановились, Марисса взялась за девочку со всей строгостью – «чтобы потом не пришлось краснеть», и дотошно проверяла даже выполнение самостоятельных заданий. Времени на занятия приходилось отводить прилично, что Софи несказанно расстраивало. Но осознав, что больше послаблений не будет, девочка смирилась и с головой погрузилась в учебу.

– Тереза от нас далеко.

– А?

Я повернулась к мужу: Анри честно пытался изобразить возмущение, но получалось плохо, брови отказывались сходиться на переносице, а уголки губ поддрагивали. К счастью, он уже полностью поправился, вот только золото из его глаз так и не ушло. Полыхало, делая темный провал зрачка еще чернее, как пламя подчеркивает ночь.

– С возвращением, – весело сказал муж. – Тут веселее.

– Откуда вы знаете? – я подмигнула.

– Могу поспорить.

– Приехали! – Софи вскочила с сиденья в тот самый миг, когда экипаж начал замедлять ход, и чуть было не полетела на нас. – Приехали! Приехали, приехали, приехали!

Не дожидаясь, пока кучер откроет дверцу, толкнула ее, спрыгнула и теперь приплясывала от нетерпения. Ярмарка располагалась сразу за городской стеной, точнее – за тем, что от нее осталось. Длинные ряды лотков и лавочек, украшенных хлопающими на ветру разноцветными флажками, протянулись в сторону леса. Рядом с ними толпились и горожане, и жители окрестных деревушек и поместий, приехавшие со своими поделками или что-нибудь купить.

– Я хочу пряник! А еще леденцов и куклу.

Женщина в темно-сером платье, несущая набитую доверху корзинку, посмотрела на нас и улыбнулась. Она шагала к телеге, на которую ее муж уже взгромоздил несколько меш-

ков.

– Будет тебе пряник, – сказал Анри и подал мне руку, чтобы помочь выйти.

– А кукла и леденцы?

Я чуть не запнулась о подол под этим невинным разбойничьим взглядом.

– Не слишком ли вы многого хотите, мадемуазель?

– Ты обещал! – заявила мадемуазель и, не дожидаясь нас, побежала по дорожке к рядам. Шляпка сбилась на затылок, но она даже не подумала ее придержать, полы накидки развевались, как и длинные волосы, которые мы сегодня не стали заплетать. Сущий демоненок!

– Ты ее избалуешь.

– Немного баловства ей не повредит.

– Немного? – я приподняла бровь.

– В последнее время ты только и делаешь, что занимаешься Равьенн.

– Это плохо? – сложила руки на груди, уже готовая защищаться.

– Мы скучаем. А тебе нужно больше отдыхать.

Воинственный запал разом иссяк. Сложно выглядеть грозно, когда рядом стоит муж высотой с одноэтажный домик и смотрит на тебя выразительными глазами: примерно такие же бывали у Кошмара, когда кухарка доставала сметану.

– Тереза, так ты все равно не перестанешь думать о род-

ных.

А вот и перестану!

– При чем тут мои родные? Просто в Равьенн очень много дел.

И не только в Равьенн. Занятия магией тоже никто не отменял.

– Может быть, стоит самой им написать?

– Кому – им? Винсенту, который выдаст очередную отповедь в трех томах? Да ее ни один почтальон не возьмется доставить!

Анри улыбнулся, но ничего не сказал. Только подхватил из экипажа огромную корзину.

Под ногами похрустывала мерзлая земля, подтаявшая корочка льда блестела на солнце. В глубокой выбоине поверх воды растянулась ледяная паутинка, в ее узоре отчетливо виднелся потемневший дырявый лист. Солнце слепило глаза, заставляло жмуриться – низкое и яркое. Софи уже пробилась к первому прилавку со сладостями: верткая, она проскользнула между толкающимися детьми и уцепилась за край так, что сдвинуть ее не представлялось возможным.

Да, она определенно своего не упустит.

– Зачем ты поддерживаешь в Софи ненужную надежду? Мы не сможем поехать в Мортенхэйм, и тебе это прекрасно известно.

– Не сможем, если отправим леди Илэйн письмо с отказом. Насколько мне известно, мы его пока не писали.

Я вздернула подбородок.

– Значит, напишем! Вот сегодня приедем и напишем!

Почему только так тоскливо стало?..

Пряники на прилавках были самые разные: расписные фигурки с веревочками, которые во время Праздника Зимы можно повесить на ель, или же огромные, размером с праздничный торт, с густой сладкой глазурью. Такой же липкой, как обращенные на нас взгляды горожан и приезжих. Не успели мы приблизиться к самым многолюдным лоткам со множеством сортов сыра, как продавцы уже наперебой предлагали попробовать именно у них. В рядах действительно было море всего: домашние вина и настойки, мед, варенья и соленья, самодельные игрушки и фигурное мыло. Даже у меня глаза разбежались, что уж говорить о Софи – она перебегала от прилавка к прилавку. Там, где было для нее высоко, поднималась на носочки. А потом замерла у лотка с красивыми куклами в роскошных платьях. Каждая неповторима, как произведение искусства. Меня они никогда не прельщали, но если Софи нравится...

Что ни говори, а большие глаза она тоже умела делать.

– Можно мне вот эту? – указала на рыжеволосую красавицу в ярко-зеленом платье.

– Если и писать, то только Луизе.

Не сразу поняла, что сказала это вслух.

– Луизе не стоит.

– Почему это? – я с удивлением посмотрела на мужа.

– Потому что ты поставишь ее в крайне неловкое положение. Выбирать сторону между любимым мужем и лучшей подругой – не самое приятное занятие.

Анри расплатился, и счастливая Софи спустя несколько минут осторожно прижала к себе сверток в хрустящей, приятно пахнущей бумаге. Она больше не бежала, осторожно шла в сторонке от основной толкотни, а наша корзинка постепенно наполнялась. Я подумала о том, что могла бы привезти Винсенту бутылку игристого вина, Луизе —интересный гребень с яркими самоцветами, матушке и Лави – шелковые платки.

– Хочешь что-то купить? – Анри внимательно посмотрел на меня.

Я покачала головой.

– Тереза, в чем дело?

– Ни в чем.

Муж остановился, взглянул пристально. Кажется, придется сознаться.

– Подумала про подарки родным.

– Так выбирай все, что хочешь.

Как-то незаметно «все, что хочу» переключалось в еще одну корзину, которую нам тоже пришлось купить. Корзина была весомой, а вот на сердце полегчало.

– И кому же ты предлагаешь мне написать?

– Напиши Лавинии.

– Лавинии? Но она еще ребенок!

– Для тебя она еще ребенок. А на самом деле уже полгода как девица на выданье. И именно у нее нет никакого интереса во всей этой ситуации.

Гм. А ведь он прав.

Кто-то из малышей закапризничал, но тут же получил от мамы затрещину и залился оглушительным ревом. На них оглянулись все, даже дети, которые до этого липли к прилавкам с игрушками и леденцами, с визгами бегали друг за другом, не смущаясь суровых окриков родителей. Только мальчишка лет семи указывал пальцем в небо. Проследив за ним, я увидела бумажного змея, подхваченного порывами ветра и стремящегося взлететь выше деревьев.

Взгляд в сторону леса разбудил воспоминания о встрече с Иваром. Стало немного грустно от того, что так и не получилось нормально попрощаться. Не знаю, можно ли назвать другом того, с кем вас свело... гм, задание. Но по нему я действительно скучала, по его шуткам, улыбкам и по нашим словесным дуэлям тоже.

Интересно, где он сейчас?

Мысли об Иваре плавно свернули на тему, от которой я упорно отгораживалась. От лорда Фрая вестей по-прежнему не было, но это не значит, что я о нем забыла. В последнее время, особенно после того, как Анри рассказал мне про Комитет, только и думала, как бы удачнее подойти к разговору про мое шпионское прошлое. В том, что оно прошлое, я ни капельки не сомневалась – если бы от меня еще что-то

требовалось, не отозвали бы Ивара, а меня уже забросали бы инструкциями. Но пирамидка не оживала, и я убрала ее с глаз долой – пылиться на полке гардеробной вместе с сережками и зеркальцем. Подальше от недремлющей совести.

– Ты снова где-то очень далеко, – Анри улыбнулся, притягивая меня к себе.

– Думаю, что написать Лави.

– Напиши правду. Не бойся говорить о своих чувствах, Тереза.

Не так уж это и легко – говорить правду, особенно учитывая, что я проверяла кабинет мужа и передавала информацию о Лиге лорду Фраю. После визита Винсента и ссоры из-за Равьенн усугублять не хотелось: если он так отреагировал на подарок Эльгера, даже думать страшно, что сделает после такого признания. К тому же, Анри быстро сложит все переменные, и стрелочка укажет на Ивара. Не знаю, какие отношения между Комитетом и Королевской службой безопасности, но... имею ли я право так подставлять друга?

Нет.

– Если я напишу все, что думаю, Лавиния больше никогда не станет со мной общаться.

Анри рассмеялся. Ветерок трепал разноцветные флажки, натянутые между палатками, и мужу приходилось пригибаться, чтобы не задевать их головой.

– А ты попробуй.

Если я больше этим не занимаюсь, наверное, и не стоит

ничего рассказывать. А я этим больше не занимаюсь! И так сделала все что могла для своей семьи и страны, читай, для лорда Фрая. Вот только переговорить с ним об этом я хотела во время зимнего бала.

Я посмотрела мужу в глаза и улыбнулась.

– Попробую.

11

«Дорогая Тереза,

простите, что не писала так долго. Мне тоже грустно из-за вашей с Винсентом размолвки. Так рада, что вы мне написали!»

После этих слов разом стало легче. Письмо от Лави принесли сегодня утром, но я все время находила себе занятия, чтобы его не читать, в итоге дотянула до обеда. Несмотря на случившееся, я продолжала надеяться уговорить брата помочь мне с золотой мглой. Поэтому чем больше времени утекало после отправленного в Мортенхэйм письма, тем больше становилось не по себе. Не знаю, чего я боялась – того, что Лави не ответит, или того, что ответит: все-таки Винсента сестренка любила больше. Но что бы там ни произошло, мне до ужаса хотелось повидать их всех. Четыре месяца со дня отъезда из Энгерии – не такой уж большой срок, а мне

он показался чуть ли не вечностью. В каком-то смысле так оно и было.

«Вы спрашивали, как у нас дела. Долго думала, что ответить, но вы просили писать правду, поэтому расскажу, как есть. Винсент злющий, словно стадо демонов. Только рядом с Луизой немножко добрее, но стоит ему полчаса побыть без нее, разговаривать с его светлостью становится невозможно. Недавно я спрашивала у матушки, не помочь ли ей с приготовлениями – ох, мне бы так хотелось оказаться за праздничным столом рядом с Майклом – но тут вошел наш брат. Сказал, что зимний бал – это расточительство, и что на него съезжаются только бездельники, которым нечем заняться, да еще любители погулять, особенно за чужой счет, вроде «Эрдена и его семейки». Матушка ответила, что ему стоило бы попридержать язык и вспомнить, что ее величество с радостью приняла приглашение в прошлом году, на что он ответил, что это было удивительное исключение из общего правила. Разумеется, после такого меня выставили из комнаты, и что было дальше, не знаю – он набросил полог. Не сидеть мне, наверное, рядом с Майклом».

Я ожидала чего-то подобного, но сейчас мне с удвоенной силой захотелось отдубасить Винсента чем-нибудь потяжелее. Знает ведь, как Лавиния относится к виконту, и позво-

ляет себе такие выражения в ее присутствии! А бал для матушки – единственная отдушина, она ждет его каждый год и готовиться начинает после закрытия сезона, то есть с осени.

«После того случая Винсент с матушкой перестали разговаривать. Когда мы собирались за ужином или в гостиной, они общались через Луизу. Примерно так: «Луиза, скажите его светлости, что...» или «Луиза, передайте леди Илэйн...». Потом ее светлости надоело, и она сказала, что если его светлость и леди Илэйн не могут общаться по-человечески, пусть пишут друг другу письма. Теперь матушка не разговаривает еще и с Луизой. Только пожалуйста, не вздумайте ей об этом написать! Если узнает, что я вам рассказала, она меня убьет».

Мне вдруг стало не по себе настолько, насколько это вообще возможно. Да, наша семья всегда была далека от идеала, мы собирались вместе разве что по официальным поводам. После смерти отца эти встречи превратились в обязанность, и так было достаточно долго. До той поры, пока Винсент не представил нам Альберта, который немного растопил лед отчуждения. Луиза же окончательно отогрела наш каменный склеп своим солнечным теплом. И что теперь?

«Мне кажется, матушка злится на Винсента не только из-за своего праздника. Она очень по вам скучает, хотя ни

за что этого не покажет. Недавно я видела ее выходящей из ваших комнат, матушка стояла в дверях несколько минут прежде чем закрыть их за собой».

Сколько себя помню, она всегда была одинокой. Оставалась такой даже среди шумной залы, когда все взгляды обращены на нее: раздавая улыбки и поддерживая светские беседы с небывалой легкостью. Это наша с ней общая черта, разве что матушка никогда не стеснялась внимания. Закованная в непроницаемую броню выдержанной как вино вежливости, словно в панцирь – который крепче самой сильной паутины некромага – она всегда и во всем была герцогиней до кончиков ногтей. И никто не смел усомниться, что в ее жизни все замечательно.

«Тереза, я на вашей стороне. Верю, что граф де Ларне любит вас так же, как вы любите его, и искренне желаю вам счастья. Надеюсь, что случившееся со временем забудется, и все станет хорошо. Я правда так думаю! Хотя Винсент убежден, что вас не оставят в покое, и что вы недалеко-видны».

Сомневаюсь, что Винсент употребил именно слово «недальновидны».

«Признаюсь, была немного удивлена, когда Винсент рас-

сказал о Софии Фламель, кажется? Простите, если ошиблась с именем. Он говорит, что с помощью этой девочки граф де Ларне хотел привязать вас к себе, но я так не считаю. Расскажите о ней побольше? Я бы очень хотела с ней познакомиться! А она хочет познакомиться с нами?»

Читая эти слова, я улыбалась. Недавно для Софи нашлась гувернантка – молодая и очень приятная девушка, которая при виде меня не прятала взгляд, не бледнела, не краснела и не заикалась, как ее предшественницы. К тому же, она знала энгерийский, что позволяло мне заниматься другими делами. В ожидании письма от Лави я училась танцевать харрим – точнее, пыталась учиться, изучала отчеты мадам Арзе и перепроверяла все не по одному разу, ездила в школу – при виде моего экипажа у директрисы наверняка приключался нервный тик. Когда стало понятно, что в Равьенн все хорошо, снова вернулась к занятиям магией. Так часто, как раньше, бывать в Ларне мне уже не требовалось, но в один из свободных дней мы с Анри все-таки отправились туда.

Стоя посреди разрушенной бальной залы, позволяла глубинной тьме струиться и оплетать меня по контуру защитной паутины. Растрескавшиеся стены за гранью смотрелись картонными листами: казалось, дотронься – и рассыплются прахом. Ярко-синее небо потускнело и стекало на ощерившиеся изломы камня, тянущиеся ввысь. После случая с Евгенией управлять смертью стало проще, словно она оконча-

тельно признала во мне свою. Вот только так близко к себе я ее больше не подпускала: слишком свежи были воспоминания о существе, внутри которого оказалась заперта моя душа. Существе, в котором не было ничего человеческого, и которое было гораздо ближе к тьме, чем можно себе представить.

Не уверена, что если побываю там еще раз, смогу так просто вернуться.

«Ой, что-то я все жалею, хотя хороших новостей тоже полно. Луиза готовится стать матерью! Это случится еще не скоро, но она вся светится от счастья. Впрочем, вы же знаете Луизу, она всегда светится, а сейчас особенно. Даже удивительно, что ей не досталась магия, подобная моей. Мне кажется, она бы очень ей подошла! А я все думаю, кто у нее будет, мальчик или девочка?»

Представить Луизу матерью было совсем не сложно. Рядом с ней любой ребенок расцветет, как рядом с Лавинией цветочки.

«Мы с ней навещаем Луни и Демона (когда матушка занята, а занята она сейчас постоянно). С той поры, как Демон ее укусил, Луиза боится к нему приближаться без меня. Но даже рядом со мной он очень сильно тоскует. Мы все по вам скучаем, Тереза, даже наш вредный старший брат. Вы

спрашивали, стоит ли приезжать, а я не представляю себе зимние праздники без вас. Надеюсь, что граф де Ларне не держит на Винсента зла, и все-таки согласится приехать.

Я вас очень-очень люблю, и жду.

Ваша сестра Лавиния Рианна Биго.

P.S. Мы все вас ждем».

– Что скажешь?

Анри подозрительно долго читал письмо: мне уже начало казаться, что он учит его наизусть. Я неосознанно сжимала и разжимала пальцы, с трудом справляясь с желанием вцепиться в край стола. С тех пор как Ивар выдал мне эту привычку, старалась не показывать свое волнение.

– Думаю, кому-то придется съездить в Ольвиж за билетами.

Муж улыбнулся, а мое сердце забилося сильнее.

– И вы... – от волнения даже во рту пересохло. – Ты согласишься поехать со мной?

– А ты надеялась поехать одна? Вот это вряд ли.

Я откинулась на спинку кресла.

– Я вообще не собиралась туда ехать. Это ты кормил Софи напрасными надеждами.

– И вовсе не напрасными. Поездка в Энгерию для нее – лучший подарок.

– Ты читал, что пишет Лави? Там сейчас несколько... напряженная обстановка.

– Несколько? – Анри улыбнулся. – У меня есть идея.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Нам вовсе не обязательно смущать Мортенхэйм своим присутствием. Мы можем снять дом или остановиться в «Бомонде», в центре Лигенбурга. Побываем на зимнем балу, покажем Софи город, повидаемся со всеми, кто рад нас видеть, слепим несколько снеговиков и устроим бой снежками. Заберем Демона и Луни, а после вернемся домой.

Это звучало слишком сказочно, чтобы быть правдой. Так ярко представились наши маленькие семейные каникулы, что неожиданно стало нечем дышать.

– Тереза? – Супруг быстро подскочил из-за стола и выдернул меня из кресла.

– А?

Глаза пекло, поэтому я старательно их прятала: то уткнувшись взглядом ему в плечо, то разглядывая картину на стене. Он осторожно привлек меня к себе, поглаживая спину.

– Ну что ты, девочка моя. Все хорошо.

И столько нежности было в его голосе, что я вдохнула, а вышло так, будто шмыгнула носом.

– Угу.

Скоро я действительно увижу родных, а Винсент придумает что-нибудь, чтобы спасти Анри. Ведь магия армалов намного древнее, чем можно себе представить, и не идет ни в

какое сравнение с силами современных целителей. А после мы наконец-то забудем про весь этот кошмар: Анри больше не станет мрачнеть, когда будем возвращаться из Ларне – потому что чувствовал истинную мощь моей магии и понимал, что случись что, уже не сумеет меня защитить. Я наконец-то смогу рассказать ему про лорда Адриана. Про то, что его отец сумел удержаться на грани столько лет и теперь собирается поведать какую-то тайну – если у меня все-таки получится открепить призрак покойного графа. А у меня получится, обязательно получится!

– Хочешь, вместе съездим за билетами? Или отправим Жерома?

– Тогда и Мэри тоже.

– Боюсь, если они уедут вместе, то уже не вернутся.

Договорить про влюбленных мы не успели: дверь распахнулась, и на пороге возник один из них собственной персоной. То ли из-за сошедшихся на переносице бровей, то ли из-за льда в светло-серых глазах на меня смотрел Жером, которого я в последний раз видела в Лигенбурге. Когда наши отношения еще были далеки от дружеских. Смотрел, с трудом сдерживая ярость, я это чувствовала – взгляд прожигал буквально насквозь, стихийная магия бурлила в его крови, готовая обрести выход по первому зову.

– Эльгер спрашивает Терезу. Говорит, что у него к ней особое дело.

Если бы на нас сейчас рухнул потолок, чувство было бы

в разы приятнее.

На сей раз холодом повеяло уже от мужа. Я даже не успела спросить, как часто Симон заявляется в гости без приглашения, но похоже, это входит у него в привычку.

– Проводи его светлость в кабинет, – так же звенело лезвие шиинхэ встречая стихийную магию. – Все, что он хочет сказать моей жене, он может сказать и мне. Нам.

Взгляд Жерома стал еще жестче.

– Боюсь, я неправильно выразился. У нас в гостях Эрик Эльгер, и он уверяет, что Тереза обещала ему помочь.

12

Обстановка в кабинете стремительно накалялась – и почему-то мне думалось, что дело не в магии Жерома. Хотя в глазах камердинера сейчас полыхал ледяной огонь: не нужны даже тайные знания мааджари, чтобы понять с каким удовольствием он спустил бы Эрика со ступеней, вдогонку хлестнув пламенными плетьюми. Пару невероятно долгих мгновений мы молчали, а потом муж решительно отодвинул меня и шагнул к дверям.

– Анри!

Дверь ударилась о стену и хрустнула так, что я поморщилась.

– Анри, послушай!

Послушает он, как же.

Жером остался в кабинете, а мы летели по коридору, точнее, Анри шагал впереди – так, что я едва за ним поспевала. На все мои попытки его остановить муж не реагировал, поэтому пришлось сделать то, что оставалось в этой ситуации последним и единственным возможным выходом: напрыгнув сзади, я обхватила его разгневанное графство за плечи, плотно сцепив руки на мощной груди. Движение немного замедлилось, потому что я обрушила на него весь свой вес. Не то чтобы для Анри это было страшно, но когда за спиной волочится тючок жены, загребая ногами по ковровой дорожке, идти становится самую капельку труднее.

– Послушай! – пробормотала, изо всех сил упираясь носками туфелек в пол. – Остановись же... Анри, остановись!

– Сначала я вышвырну маленького змееныша из нашего дома, а потом выслушаю все, что угодно.

– Он сказал правду!

Анри споткнулся, и я поцеловала его в спину.

– Правду о чем? – меня развернули лицом к лицу.

– Я обещала ему помочь! – выпалила на одном дыхании, потирая нос. – Обещала, потому что он помог мне, потому что именно он нашел Натали.

– Ты сошла с ума? – поинтересовался муж до ужаса спокойно.

Так обидно, словно и впрямь разговаривал с умалишенной.

– Ты был без сознания, алаэрнит исчез, – я сложила руки

на груди, потому что меня трясло. — Евгения выставила меня истеричкой, не способной совладать с магией тьмы, а Эльгер-старший был счастлив. Что мне еще оставалось делать?

— Уж точно не бросаться за помощью к безумцу!

— Эрик — безумец, но он нас спас! Спас меня, и тебя, потому что...

— Ты настолько наивна?

Отшатнулась, словно он меня ударил. Щеки пламенели, как если бы Анри влепил мне сразу две пощечины.

— Я осталась одна! — выкрикнула, нисколько не заботясь о том, что нас могут услышать. — Ты вообще представляешь, что я тогда пережила? Когда не знала, придешь ты в себя, или нет... когда...

Дыхания не хватало, я бросилась на него, колотя руками по груди — куда попаду, отчаянно и дико. Анри попытался меня перехватить, но я вырывалась и царапалась как тигрица. Когда муж поймал одну руку, вцепилась свободной ему в запястье, влепила пощечину и отпрянула. Его скула загорелась красным, повторяя след моей руки. Глаза Анри яростно сверкнули, он перехватил меня и прижал к себе — так крепко, что я пошевелиться не могла. Ребра только чудом не хрустнули, и тогда я зарычала ему в грудь:

— Почему я все время должна оправдываться? Я защищала тебя и себя, защищала нас...

— С помощью человека, который чуть не свел нас в могилу. Ты хоть понимаешь, что он мог быть с Евгенией заодно?

– Мне плевать, с кем он был заодно! Он мог мне помочь, и в ту минуту наши цели совпадали.

– Цели?! – его взгляд вонзился мне в макушку, словно хотел достать до мозга и посмотреть, что там творится, в моей голове. – Совпадали?

– Да! А теперь отпусти меня, или...

– Или что, Тереза?

– Не испытывай мое терпение!

– Чур, магией не драться.

– Боишься?

– Разве что за тебя.

Недолго думая, я вцепилась зубами ему в ключицу. Анри издал странный звук, словно подавился, отстранился с удивительной прытью, а я метнулась по коридору в холл – раскрасневшаяся, растрепанная и злая. В самом деле, зачем меня благодарить, всего лишь поставила Евгению и Эльгера на место, выбралась из той ямы, в которой нас успешно заталкивали руками и ногами, но видите ли, сделала это не так, как нужно.

– Тереза!

– Отстань!

Анри почти удалось схватить меня за плечо, когда я сжала кулаки и рванулась вперед, словно за мной гналось стадо разъяренных демонов. В холл вылетела первой и увидела Эрика, который устроился на корточках рядом с Софи, держал ее руку и что-то негромко говорил.

– Отойди от нее!

Не сразу поняла, почему мой голос звучит мужским эхом – оказывается, мы с Анри выдали это вместе. Так, что Софи вздрогнула и попятилась, а Эрик вскинул руки и поднялся.

– Эй, они всегда такие нервные? Тогда я тебе не завидую.

– Где мадемуазель Маран? – голосом, способным расколоть скалу, поинтересовалась я у дочери.

А с Жеромом я еще поговорю! Прилетел как фазан на крыльях гнева, но умудрился оставить Эрика одного.

– Мадам Феро!

Из коридора справа уже спешила гувернантка, взволнованная и перепуганная. На ней были капор и накидка поверх теплого платья – так же, как и на Софи: видимо, они собирались гулять. В руках корзина, из которой выглядывало клетчатое покрывало.

– Я отошла, чтобы взять плед. На скамейках сейчас прохладно...

– Сесиль, буду вам очень благодарна, если вы будете брать все заранее и не оставлять мою дочь непонятно с кем!

Девушка побледнела, прижала корзинку к груди.

– Простите, мадам.

– Это я-то непонятно кто? – Эрик театрально приложил руку к груди. – Мое сердце разбито, а душа истекает кровью.

Глаза Софи округлились, а я подлетела к нему, схватила за локоть и буквально потащила за собой на улицу.

– Тесса! Как я рад тебя видеть!

– Заткнись, – прошипела я.

– Да, милая. Обожаю, когда ты командуешь.

Краем глаза ухватила довольную ухмылку и с трудом справилась с желанием придать маркизу ускорение ударом глубинной тьмы, чтобы летел с подскоком по ступенькам. За спиной хлопнула дверь: Анри спускался следом за нами. Ну ведь никто мне и не говорил, что будет легко, правда?

– Нравится чувствовать себя беспомощным, солнечный мальчик?

Муж прищурился.

– Сил, чтобы превратить тебя в скулящий комок соплей, мне хватит.

Я набрала в грудь побольше воздуха и вздохнула. Глубоко. Повернулась и заглянула Анри в глаза.

– Позволь с ним поговорить. Пожалуйста. Дай мне десять минут.

– Особенно рядом с ней... – Эрик сложил ладони лодочками и поднес их к лицу.

– Еще одно слово, маркиз, – процедила я, вставая между ними, – и я забуду о своем обещании.

Маркиз поправил длинный шарф, накинутый поверх черного пальто, и через мое плечо одарил мужа улыбкой, от которой заболели зубы. Солнце играло на его волосах, придавая им непривычный насыщенно-медовый оттенок. Столичный денди, как он есть: начиная от кончиков узконосых лакированных штиблет, длинных по моде брюк в полоску и за-

канчивая застегнутым на все пуговицы жилетом, поверх белоснежной рубашки. Даже не скажешь, что несколько месяцев назад умирал от выжигающей его кровь антимагии.

– Десять минут, – кивнул Анри. Стянул сюртук, накинул мне на плечи и направился к экипажу, на котором приехал Эльгер. Крикнул конюху: – Не распрягай! Тащи воду.

По-хорошему, лошадей стоило накормить и дать им отдохнуть, но я решила не вмешиваться. Неважно, что творится между нами наедине, на виду я все равно буду с ним и на его стороне. Что бы ни случилось.

– Нравится ему подчиняться, милая?

А еще мне сполна хватает проблемы, которая сейчас стоит передо мной. С ней бы разобраться. Точнее, с ним. Потому что не ровен час, они на пару с отцом все-таки доведут меня до развода.

– Говори по делу. Или убирайся.

– Ну я же не могу молчать о том, что не дает мне покоя, – он закусил губу и бросил на меня смеющийся взгляд из-под ресниц. – Так когда мы с тобой снова наведаемся в склеп? Обещаю захватить плед сразу, устроим тихий пикничок на двоих.

– Не раньше, чем ты расскажешь, кто помогал тебе с Натали.

– Так нечестно, милая.

– Все честно. Я согласилась тебе помочь, и я ни слова не сказала твоему отцу. Но играть с тобой в игры больше не

намерена.

– Расскажу, – Эрик потянулся к моим волосам, но я угрожающе вскинула руку, и он отступил. Кивнул в сторону Анри. – Если это будет наш с тобой маленький секрет.

– У меня нет секретов от мужа.

Ну ладно, есть. Но лорд Фрай не считается. Наверное.

Только сейчас я не готова чувствовать себя виноватой по этому поводу.

– Тебе, милая, я доверяю, – он сложил руки за спиной, и на миг стал очень похож на Симона – даже в привычно мягком, не по-мужски, взгляде сверкнула сталь. – Но вот твоему мужу... Однажды он уже пожаловался папочке, чем поставил нас всех в крайне неловкое положение.

– Прежде, чем я возьмусь тебе помогать, – сказала твердо, – я должна знать все. – Добавила, предупреждая все возможные возражения: – Только так, месье Эльгер. И никак иначе.

Какое-то время мы молчали. Браслет обжигал яростью мужа, который сейчас стоял вполоборота рядом с каретой. Эрик взглянул на Анри, и змеиная ненависть исказила мягкие черты.

– Хорошо, я расскажу, – он усмехнулся. – Прогуляемся?

– У тебя есть десять минут. Хочешь тратить их на прогулки?

– Мне хватит и одной. Тебе нужна правда, Тесса? Ты ее получишь.

Он предложил мне руку, но я демонстративно указала ему налево. Софи и Сесиль сейчас отдыхают в парке, а чем дальше Эрик со своей правдой от моей дочери, тем лучше. Мы пошли вдоль дома, вдоль каменных ниш в изножье выступающего вперед балкона-крыльца. Взгляд Анри, следующий за нами, я чувствовала всей кожей, но не обернулась.

– Когда мне ввели кровь де Ларне, я не думал, что умру. Я хотел умереть, потому что все сосуды в моем теле словно натягивали на раскаленные прутья. Изнутри. Я утратил счет времени и забыл о том, кто я такой. Можешь себе представить, что это за чувство? Хорошо, что тогда я не помнил даже того, кто отдал приказ.

Я содрогнулась. Тем не менее когда заговорила, голос звучал резко и холодно:

– Какое это имеет отношение к делу?

– Тебе не все равно, Тесса. Как бы ты ни притворялась, тебе не все равно.

– Осталось пять минут.

– Когда я пришел в себя, меня окружало пламя. Золотое пламя, в котором я сгорал снова и снова. Вот только теперь я уже помнил все. И всех.

Мы почти дошли до конца дома. Остановившись, я резко развернулась и сложила руки на груди.

– Я услышу что-нибудь еще, или можно идти назад?

– Увидишь.

Эрик отступил в сторону, и солнце скользнуло с его волос

в глаза.

Нет, не солнце... Забывая дышать, я смотрела в глаза Эльгера и видела в них то, что раньше видела только в глазах своего мужа.

Золотую мглу.

13

Просторный кабинет Анри для нас троих казался слишком тесным. По крайней мере, я чувствовала себя очень неуютно на диванчике рядом со стеллажами, хотя муж сидел на своем месте, а Эрик – за столом в кресле. Вытянув длинные ноги и скрестив их, он двигал ботинками влево-вправо, от чего у меня уже начинало рябить в глазах. Еще сильнее в глазах рябило от сочетания золота с изумрудной зеленью: с одной ладони Эльгера текла золотая мгла, а на другой между пальцами проскакивали искры магии искажений, которые он перебирал, словно струны. Каждый звук казался оглушающим – несмотря на то, что я сразу накинула полог, но тяжелее всего было выносить взгляд мужа. Когда он падал на меня, напряжение становилось густым, словно масло.

– Папочка меня убьет, если узнает, – сообщил Эрик таким тоном, каким в Энгерии приглашают на чай, а потом потянулся за тяжелой чернильницей.

– Поставь на место! – рыкнул Анри.

И в десятый раз проверил стопку бумаг на ровность, после

чего спрятал их в ящик и закрыл на ключ. Эрик же картинно надул мягкие губы:

– Да пожалуйста.

Он убрал руки на колени и подмигнул мне. Кресло было развернуто так, чтобы Эльгер-младший мог видеть нас обоих.

– Странное чувство, правда? Мгла и магия в одном флаконе. То есть во мне.

Невозможно. Необъяснимо. Ужасно.

Но факт.

Если Симон и хотел ребенка, обладающего чудовищной силой, он его получил. Правда, не от нас с Анри, хотя Анри определенно приложил к этому руку.

– Что, даже не спросите, каково это? – Эрик потер ладони друг о друга.

– Помолчи, – холодно произнес муж.

– Да если я замолчу, мы все здесь помрем со скуки. Вон, как тот цветочек, – он ткнул пальцем в гибискус, сбрасывающий крупные красные цветы. – Последние полчаса только я и говорю.

Это была правда. Пока Эрик рассказывал, как пришел в себя и обнаружил, что в его крови золотая мгла уживается с магией, мы не проронили ни слова. Да и после – сложно что-то говорить, когда разум пытается объять необъятное и принять невозможное. Золотая мгла медленно и мучительно выжигала магию из любого, но сейчас перед нами сидел жи-

вой пример того, что бывает иначе. Каким-то образом кровь Анри не уничтожила силу Эрика, а превратила его в хэандаме, обладающего магией. Точнее, не совсем в хэандаме. Кем он являлся, по сути было сложно сказать: не хэандаме, но и не маг.

Нечто новое.

Некто новый.

– Поэтому ты хотел узнать о матери? – жестко спросил Анри.

Эрик кивнул. Снова потянулся к чернильнице, но под взглядом мужа только фыркнул и спрятал руки подмышки.

– Представляете, какой сюрприз? Я уже думал, что помру или превращусь в бесполезного человечешку, а тут такая радость!

– Как тебе удалось заставить Риалю молчать?

– Старое доброе внушение. Я чуть живот не надорвал, пока, еле ворочаясь, вложил в его целительский разум, что превратился в бревнышко с глазами. Конечно, папочка не мог знать, что со мной случится, поэтому ему и в голову не придет проверять своего лекаришку.

– Но каким образом тебе могу помочь я?

– Уже думал, что не спросишь! – Эрик хлопнул в ладоши, наклонился ко мне, и Анри угрожающе подался вперед. – Ой, да успокойся ты, солнечный мальчик. Сейчас мы вроде как друзья, и если ты не решишь снова пожаловаться папочке, между нами все будет хорошо. Ты ведь не собираешься

больше ябедничать?

Насмешка в светлых глазах сменилась жестким холодом, от которого мне захотелось поежиться. Анри же просто подался вперед.

– Зависит от того, что ты сейчас скажешь.

Эрик сощурился – поразительно точно повторяя его недоверие, после чего повернулся ко мне.

– Так вот. В последние годы жизни – как я разузнал от прислуги, за маменькой смотрела одна мадам. Ее звали Джолин Эруа, и она была... как бы это выразиться, очень жесткая дамочка с сомнительными моральными принципами. После смерти матери уехала из замка, работала в Ольвиже, в клинике для душевнобольных – старшей сестрой. Потом ей все это надоело, и она решила переехать в тихий городок, неподалеку от столицы. Я искренне надеялся побеседовать с ней, но когда все-таки разыскал старушенцию, она уже покоилась под землей. Поэтому я подумал о тебе...

– Как давно она умерла? – перебила я его.

– Месяца два назад.

– Два месяца?!

– Ну-ну, милая, не прибедняйся. Опоздал совсем чуть-чуть, подумаешь. Некромагу твоего уровня под силу разговаривать и более рассыпчатого покойника.

– Что именно ты надеешься от нее услышать?

– Что маменька умерла не от безумия, а от золотой мглы, например. Они же родня с твоей, правильно, солнечный

мальчик? Или что ее убил папочка – потому что боялся не совладать с такой силой. Да мало ли что. Неважно. Ты обещала помочь, Леди Смерть. Так что хватит с меня вопросов.

Прежде чем я успела раскрыть рот, Анри поднялся, схватил Эрика за локоть и рывком выдернул из кресла.

– Подожди снаружи.

Эльгер-младший выпрямился и стряхнул его руку.

– Потыше, де Ларне. Ты же не хочешь снова испортить со мной отношения? Особенно сейчас.

Они замерли друг напротив друга – на краткий, но отчаянно напряженный миг. В чертах Эрика прорезалось что-то новое: неуловимо хищное и еще более опасное, чем безумие, к которому я почти привыкла. Сейчас, глядя на стоявшего рядом с мужем не злого мальчика, но мужчину, я видела его совершенно другими глазами. Он изменился, и изменился сильно – насколько вообще способен измениться безумец, привыкший играть чужими жизнями так же, как и его отец. Да и насколько велико было его безумие, которым он прикрывался?

От этих мыслей стало настолько не по себе, что я опомнилась лишь когда с треском захлопнулась дверь. Под пологом остались мы вдвоем.

– Демоны знает что! – прорычал Анри. – Как такое возможно?

– Леди Николь и леди Катарина ведь были дальними сестрами?

– Настолько дальними, что и представить страшно.

– Но ее кровь могла нести в себе частичку золотой мглы?

Возможно, она была спящей...

– Мгла в спящем состоянии не способна причинить вред.

– Значит, Катарина умерла не от нее. Но это не отменяет того, что она могла просто удачно скрывать свою силу, – я сложила руки на груди и, наконец, поднялась. – Ведь о твоей матери тоже не многие знали. Иначе как объяснить, что антимагия хэандаме прижилась в крови Эрика? И не просто прижилась, но и позволила ему сохранить магию?

– Не представляю. Я не встречал упоминаний о таком. Никогда.

Анри вернулся к столу, чтобы снова поставить чернильницу поровнее. Я подошла и перехватила его руки.

– Я обещала ему помочь, и...

– Об этом нужно рассказать Эльгеру, Тереза. Немедленно.

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Этот мальчишка за стеной...

– Этот мальчишка за стеной пережил кошмар!

Муж прищурился.

– Только не говори, что ты его жалеешь.

– Жалею? Да у меня волосы дыбом от того, что я видела!

Но это не значит, что мы должны выдать его тайну отцу, который обрек его на медленную и мучительную казнь.

Анри усмехнулся и отошел к двери. Зачем-то запер ее на ключ.

Потом медленно приблизился ко мне. Положил руки на плечи – тяжело, впечатывая в пол.

– У тебя такая короткая память, Тереза? Уже забыла, что он сделал с Гийомом, с Жеромом, со всеми нами?

Нет, я не забыла, и при воспоминании об этом становилось не по себе еще больше.

– Ты не позволишь забыть, – заметила я. – Даже если очень хочется.

– Я в этом виноват?

– Никто не виноват! – Крикнула я – благо, мой вопль поглотил полог, и добавила уже тише: – В замке Эльгера я осталась одна, но именно Эрик протянул мне руку. Я... я представляю, на что он способен. Но что плохого в том, если я помогу раскрыть тайну гибели его матери?

– Ты уверена, что ему нужно именно это? – Муж как следует меня встряхнул. – Что это не очередная игра? Ты хоть представляешь, что я пережил? Когда чувствовал тебя в Лигенбурге, твой страх, отчаяние и боль, когда думал, что не успею!

И ведь не объяснишь, что Эрик не мог быть с Евгенией заодно – хотя бы потому, что я слышала все разговоры графини с Альмиром. Если расскажу об этом, придется объяснять, откуда у меня взялось прослушивающее устройство, и для чего... точнее, для кого оно предназначалось. Ох, нет.

– И снова ты делаешь все за моей спиной!

– Я ничего не делаю за твоей спиной, Анри!

Вырвалась и отступила на несколько шагов. Сможем ли мы начать доверять друг другу по-настоящему? Сможет ли Анри доверять мне вообще? Он слишком долго был один и слишком долго играл, даже наедине с собой – когда заставил себя поверить в то, что не способен на глубокие чувства.

– Я не говорила тебе, потому что не представляла, о чем! Эрик просил о помощи, но не объяснил, что именно мне предстоит сделать.

– И ты согласилась непонятно на что.

– Да! – Я глубоко вздохнула и подняла руки. – Но я тогда не выбирала между сотней распрекрасных вариантов. Приняла его помощь и взамен пообещала свою. Хотела посоветоваться с тобой, как быть, когда все немного уляжется, но... последний месяц у нас выдался несколько насыщенным, не находишь?

Я покачала головой.

– Анри, я понимаю, как тебе тяжело. Но и мне нелегко тоже. Я не просила о такой магии, но она – часть меня. Смерть со мной на всю жизнь, и день ото дня будет становиться все опаснее и сильнее. Ты сможешь любить меня такой? Такой, какая я есть? – Грудь сдавило от нехватки воздуха, а может, дышать мешал вставший поперек горла ком. – Потому что если не сможешь, то...

– Глупая. Какая же ты глупая.

Меня сгребли в объятия и прижали к себе. Так порывисто и крепко, что даже вырываться не хотелось.

– Думаешь, дело в твоей магии?

– Тогда в чем? – запрокинув голову, посмотрела ему в глаза.

– В том, что ты – мое все, Тереза. Твой брат был прав, когда говорил, что мужчина в ответе за свою женщину.

– Нет, – я покачала головой. – Нет, Анри. Мой брат считает, что знает, как лучше, и всегда поступает по-своему, даже если это «лучше» сваливается на голову любимых и вколачивает их в пол. На самом деле построить что-то по-настоящему крепкое можно только вместе. И сейчас я прошу тебя быть со мной. Поехать вместе туда, где похоронена эта женщина. Закрыть тему Эльгеров раз и навсегда, потому что после ни одному из них я не буду ничего должна.

– Думаешь, они позволят о себе забыть? – Анри усмехнулся.

– Я не настолько наивна. Но мы вместе, и для меня это главное.

Он кивнул, по-прежнему крепко прижимая меня к себе.

– Это тебе не навредит?

– Нет. Общение с миром мертвых – суть некромагии. В худшем случае у меня просто ничего не получится.

Какое-то время мы смотрели друг другу в глаза. Первым нарушил молчание Анри:

– Попрошу Лиро все-таки накормить лошадей. Надо выставить Эльгера в Ларне до ужина, пока он не решил, что ему тут рады.

Я рассмеялась.

– По-моему, ты и так был весьма убедителен.

Муж улыбнулся в ответ – впервые за все время нашего разговора.

И я вздохнула с облегчением.

14

Когда я вошла к Софи, она сидела на кровати, спиной к двери. Мэри уже помогла ей переодеться, но кажется, девочка даже не собиралась ложиться. Склонившись над разложенными на покрывале картами, по которым скользил тусклый свет светильника, была поглощена своим занятием настолько, что не заметила меня.

– Тебе не пора спать?

Она обернулась: судя по блеску глаз, заснуть у нее не получится еще долго.

– Сейчас. Я быстро, Тереза. Расклад нельзя оставлять незавершенным.

– И что там у тебя?

Я подошла и опустилась на край кровати – осторожно, чтобы не задеть расклад.

– Смерть и Солнце, – пробормотала Софи, указывая на карты. – Вы всегда приходите вместе.

Смерть была символично изображена в виде нечеткой фигуры, с провалами вместо глаз и рта. Размытой настолько,

что сквозь нее проступали очертания черного леса, окутанного туманом. Карта «Солнце» была повеселее – круг, лучики и выцветшее поле внутри, но от нее мне стало не по себе: если разрезать на две части, получится печать Эльгера. Рядом лежало еще несколько карт, рубашками вверх. Софи перевернула следующую: на ней была изображена дорога, бегущая между скал.

«Путешествие».

– Что это значит?

– Значит, что мы скоро поедem в Энгерию.

– А может быть, в Ольвиж? – поддразнила я.

– Нет. – Софи хитро улыбнулась и показала мне язык. –

Именно эта карта приходит, когда дорога будет очень долгой. И чаще всего ведет в другую страну.

Очередная картинка оказалась «очаровательна»: на ней изобразили покойника – мертвенно-бледного, со сложенными на груди руками. Сама карта была с говорящим названием. Софи открыла дальше – по черному фону бежали огненные трещины. То есть подозреваю, что когда-то они были огненными, сейчас их цвет напоминал пламя, на которое смотришь через слабо закопченное стекло. Наверное, следовало заставить ее убрать свои игрушки, но я как зачарованная смотрела на надпись.

«Катастрофа».

– Что это значит?

– Погоди, вскрою до конца.

Расклад дополнили «Любовники», непонятная для меня пустая карта, «Демон» и расколота молнией надвое скала – «Переход». Софи нахмурилась, закусила губу, но когда повернулась ко мне, уже беззаботно улыбалась. Пожалуй, подозрительно беззаботно.

– Все, вот теперь можно спать, – она сложила карты, поднесла их к губам и убрала в мешочек, который бережно завязала. После чего сунула его под подушку.

– Ты мне так ничего и не объяснила, – напомнила я.

– Разве?

Софи нагнулась, чтобы проверить, как себя чувствует Лилит: свернувшись крохотным серым шариком, мышь хрустела кормом рядом с поилкой, из опилок торчали только уши. Сунув палец между прутьями, девочка погладила ее по спинке, та посмотрела на нее блестящими глазками-бусинками, и продолжила есть. Похоже, мышь была счастлива, что пережила очередной день без визита Кошмара, который постоянно норовил проникнуть в комнату – сама девочка тщательно запирала дверь и окна, когда уходила, а всей прислуге было поручено смотреть за тем же. Убедившись, что ее любимица в порядке, дочь нырнула под одеяло, старательно в него завернулась и подтащила поближе куклу, которую мы купили на ярмарке. С того дня она расставалась с ней только на занятиях и во время прогулок.

– Ну да. Например, что значит пустая карта?

– А... это неопределенность. У нее два значения: то ли

карты отказываются говорить о каком-то событии, то ли в жизнь людей войдет нечто новое, неожиданное. Оно может быть как хорошим, так и плохим.

– А «Демон»?

– «Демон» – человек с неясными намерениями. Хитрец, ведущий свою игру.

Почему-то подумала про Эрика. Разумеется, верить ему я не собиралась, да и вообще не собиралась вести с ним никаких дел. Он владеет древними знаниями мааджари, магией искажений, а теперь еще и золотой мглой. Бр-р-р, мороз по коже. Нет уж, расспросим покойницу о его матери, и распрощаемся. Благополучно.

По крайней мере, я на это надеюсь.

– Софи, нам с Анри нужно уехать. Завтра вечером. – Девочка сразу насторожилась. – Это ненадолго, всего на несколько дней.

Она сникла и повыше подтянула одеяло.

– Не хочу, чтобы вы уезжали.

Я погладила ее по руке.

– Обещаю, что мы скоро вернемся. А Сесиль и Мэри не дадут тебе заскучать.

– Вы уезжаете из-за этого человека? Который приходил к нам сегодня? Он симпатичный, хотя и чудаковатый... слегка.

– Он не очень хороший, Софи.

– Это я уже поняла, – девочка фыркнула. – Мадемуазель

Маран после твоего выговора половину энгерийских слов перепутала, когда мы с ней повторяли тему про осенний лес. Деревья у нее росли сверху вниз, а вместо корней были листья.

Я прыснула.

– Ты так разозлилась, Тереза. Почему?

– Потому что когда мы жили в Лигенбурге, этот человек очень сильно навредил нам с Анри. И не только нам.

Софи нахмурилась. Надеюсь, с такими расспросами она не пойдет к Жерому.

– Тогда зачем Жером его впустил?

М-м-м...

– Потому что я ему кое-что обещала.

– А зачем ты обещала что-то человеку, который навредил тебе и Анри?

Сговорила она со своим отцом, что ли?

– Так получилось. У меня не было выбора.

– Почему?

– Ты мне так и не рассказала, к чему были «Катастрофа» и «Переход».

Софи зевнула – пожалуй, слишком широко, для того чтобы это могло быть правдой.

– Ой, я сегодня так устала...

Вот и ладненько. Значит, нам двоим не придется отвечать на вопросы, которые кажутся неловкими.

Дверь открылась, и в комнату заглянул Анри.

– Как поживают мои девочки?

– Хотят спать, – ответила я за двоих.

– Тогда почему до сих пор болтают?

– Это наши женские секреты, – с важным видом заявила Софи.

Я закусила губу, а Анри поднял руки.

– Уже ухожу! Только поцелую одну из секретниц на ночь...

Он наклонился и поцеловал Софи в щеку, а она обвила его шею руками.

– Спокойной ночи, маленькая.

– Спокойной ночи, Анри.

Я наклонилась к дочери, погладила ее по волосам, погасила светильник и тоже поднялась. Стоило нам выйти за дверь, как Анри притянул меня к себе и коснулся губами губ: властно и умопомрачительно горячо. Так, что дыхание прервалось, а сердце сразу забилось сильнее.

– Раньше ты только меня называл маленькой, – упираясь ладонями ему в грудь, заметила я.

– Ревнуешь?

– Вот еще!

– Раньше ты тоже секретничала только со мной.

Я улыбнулась, погладила мужа по щеке, готовая снова прильнуть губами к губам. Но потом вспомнила про Эрика и карты. Конечно, я не верю в гадания нонаэрян, вот только мы едем поднимать Джолин, а в раскладе приходит «Покой-

ник».

– Мне не нравится, что Софи балуется с картами, – сказала мужу, когда мы направлялись к своей комнате.

– А если она не балуется?

– Тогда все еще веселее. – Немного помолчала и добавила: – Ты им веришь?

– Картам? Никогда не увлекался, поэтому ничего не могу сказать. А ты?

– Винехейш предсказал мне встречу с тобой.

Анри открыл передо мной дверь, весело подмигнул.

– Я так надеялся сделать тебе сюрприз.

– Ну знаешь ли... Тебе это удалось.

Глаза мужа сверкнули. Он подтолкнул меня вперед и захлопнул дверь. Его ладони скользнули по моим плечам, а я замерла, потому что пришли мы не в спальню. В ванной комнате было тепло – от стоящей на полу небольшой переносной жаровни, прикрытой крышкой. Свет исходил лишь от нее и от расставленных по полу свечей. Их были десятки: огоньки танцевали в темноте, раскрывая ее неброским чарующим полумраком.

Пламя заплясало подобие харрима в моем исполнении, когда я повернулась к мужу, взметнула подолом возле ближайших свечей. Над стоявшей рядом с умывальником курительницей-водопадом клубился легкий дымок.

– Очередной сюрприз?

Вместо ответа он коснулся губами моих губ – мягко, иг-

раючи, дразня.

– Тебе не мешает расслабиться.

В наполненной ванной плавали крупные белые лепестки.

– Откуда? Сейчас же зима.

– Это Риавара, иньфайский водный цветок. Цветет раз в пять лет, поэтому его лепестки пропитывают специальным травяным составом и хранят для особых случаев.

– Цветок первой ночи?

– Он самый.

Иньфайская брачная церемония происходит в воде, и там же и продолжается. В смысле, продолжается она в другой воде, но именно в окружении лепестков Риавара невеста теряет невинность и становится женой.

Платье по энгерийской моде, с пуговицами на груди, Анри расстегивал медленно. Когда его пальцы коснулись обнаженной кожи, по телу прошла дрожь. Такая же сладкая, как витающий в воздухе тонкий ненавязчивый аромат, напоминающее о лете. Голова закружилась, то ли от прикосновения к ложбинке между грудей, то ли от любимых глаз, в которых все ярче разгоралось золотое пламя. А может быть, это была просто игра тени и огней, которые заходились вокруг нас в древнем бессменном танце.

Я положила ладони на плечи мужа, повторила пальцами вырез рубашки и потянулась к пуговицам. Мы смотрели друг другу в глаза и молчали. С тихим шелестом платье сползло вниз, за ним последовала его рубашка. Словно подчиняясь

негласной договоренности, мы избегали откровенных прикосновений и даже поцелуев. Губы горели, и все тело горело тоже – от невозможности почувствовать по-настоящему, насладиться бесстыдными ласками, вместе сойти с ума, раствориться друг в друге без остатка. Как если бы между нами стоял невидимый барьер, не позволяющий шагнуть за грань чего-то большего.

– Закрой глаза, – мягко произнес он мне в губы.

Я подчинилась.

Было что-то странное, и до ужаса, до умопомрачения соблазнительное в том, чтобы заново узнавать мужа с закрытыми глазами. Не видеть, только чувствовать. Повторять ладонями его бедра, стягивая брюки, и вздрагивать, когда сильные пальцы едва касаются спины, освобождая меня от корсета. Поднимать руки, позволяя освободить себя от нижней рубашки, почти касаться грудью его груди, напряженными сосками – желая шагнуть вперед и слиться с ним воедино. Чувствовать бедрами его наливающееся силой желание, и дышать через раз. С тихим звоном на пол падали шпильки, одна за другой. Волосы скользнули на плечи, а потом и на спину.

– Ты всегда будешь моей единственной. Маленькой. Сладкой. Девочкой. – Голос мужа был одуряюще низким. Бархатным. Если голосом можно ласкать откровеннее, чем руками, лентами, языком, то именно это он сейчас и делал.

Задохнувшись от пробирающих до дрожи интонаций, широко распахнула глаза.

И утонула во взгляде цвета солнечного затмения.

Во взгляде откровенного и бесстыдного желания.

– Ты бессовестный...

– Извращенец?

– Обманщик. Давно ты открыл глаза?

– А это имеет значение?

– Это было нечестно!

– Было. Но я не могу на тебя насмотреться. Особенно когда ты дрожишь и кусаешь губы...

– Замолчи, – выдохнула хрипло.

– Когда выгибаешься подо мной...

Муж провел пальцами по моей груди, не касаясь соска.

– Или когда стонешь мое имя.

Я ненадолго пришла в себя, когда Анри подал мне руку и повел к ванной. Осторожно ступая между расставленных по полу свечей, чувствовала теплую плитку. Вода сомкнулась, обволакивая нас, к запаху курительных трав теперь примешивался легкий аромат лепестков Риавары. Мы оказались лицом к лицу, и сдерживаться больше не было никаких сил. Муж потянулся к моим рукам, и наши пальцы переплелись, за миг до того, как я приподнялась – позволяя прохладе пробежать по спине, а после опустилась на него. Закусив губу, скользя телом по телу, медленно стекала вниз, чтобы вместе с Анри прочувствовать каждый миг первого слияния.

Тело плавилось, несмотря на воду. Мы снова ненадолго замерли – лаская друг друга взглядами, а после я так же мед-

ленно приподнялась. Почти касаясь губами его губ, непростительно близко.

– Мне тоже нравится на тебя смотреть, – прошептала, не отнимая взгляда. – Когда ты еле сдерживаешься, чтобы не запустить пальцы мне в волосы, заставляя запрокинуть голову...

Снова подалась наверх – самую чуточку, отмечая, как напрыгаются его плечи, и так же дразняще легко двинулась вниз, немного. В единении наших тел, в этой близости рождалось сладкое, влекущее наслаждение: немалых усилий стоило удержаться на этой грани. Только потемневший взгляд мужа и удержал – ненадолго, чтобы добавить:

– Или не подхватить под бедра, чтобы оказаться внутри еще глубже... насколько это возможно...

Повторяя свои слова, приподнялась еще, продолжая нашу сладкую пытку.

А после опустилась, перехватывая губами стон и вжимаясь ноющими от возбуждения сосками в его грудь. Анри прорычал нечто невразумительное, но так и не двинулся, позволяя мне задавать ритм. Наслаждение текло по венам, сплетая нас воедино, и мир раскачивался перед глазами. Четким было только лицо мужа, и капельки воды, блестящие на наших телах. И сбивающееся, сливающееся дыхание – тоже одно на двоих, и сладкая вспышка в самом низу живота, и еще несколько быстрых движений, рождающих пульсацию внутри, и сила сдавивших мои руки пальцев.

И громкое рычание:

– Тер-реза...

И тогда, по-прежнему чувствуя его внутри, я позволила себе расслабленно откинуться на грудь мужа.

Лежать так было уютно. Вода начинала понемногу остывать, но он согревал меня, обнимая руками и ногами. Намокшие пряди моих волос облепили нас обоих, в них запутались лепестки с бледно-голубыми прожилками. От них по белому шелку растекался едва различимый цвет, словно рисунок бросили в воду. Тело казалось легким, словно пушинка, а счастье – бескрайним, и ничего за его пределами не было. Узоры, бегущие по телам от сплетения рук – символ нашего единения, сияли так, что свечи напоминали лесных светлячков рядом со вспыхнувшим в ночи солнцем.

Я подняла руку, рассматривая их.

– Как так получилось? – спросила то ли мужа, то ли себя. – Настолько... сильно?

– Не знаю, – Анри покачал головой. – Тебя это пугает?

– Не знаю, – эхом отозвалась я. – А тебя?

– Нет, – ответил он. – Теперь уже нет.

15

Каждый раз, когда оказываюсь в поезде, вспоминаю встречу с Иваром. Казалось бы, именно первое путешествие на «Стреле Загорья» должно произвести на меня неизгладимое

впечатление, но тогда я была в таком состоянии, что не замечала ни роскоши купе, ни вышколенных проводников, ни стремительно проносящихся за окном видов. А вот обратная дорога на простом паровозе запомнилась мне куда лучше. И почему-то я не могла перестать думать о Раджеке. Как он вообще умудрился пролезть в мое сердце? И не только пролезть, но и прочно там обосноваться.

Единственный друг.

Надеюсь, у него сейчас все хорошо, где бы он ни был.

– До сих пор не могу поверить в то, что я на это согласилась, – хмыкнул Анри, взбивая подушки.

Я покосилась в окно, но там было так темно, что смотреть не на что: вместо леса лишь смутные очертания, а дорога представляла собой разлитые кем-то в спешке чернила. Вглядываться в эту бесконечную кляксу – бесполезное занятие, поэтому я просто опустила шторы.

– Ты же не мог бросить меня одну, – заметила я, хитро глядя на него, и поймала подушку, которой в меня прилетело. – Только не с твоим великодушием.

В меня прилетело второй, и я обе спрятала за спину. А вот пусть теперь спит без подушки!

– Мне кажется, графиня, или в твоих словах звучит явная издевка?

– Тебе кажется, – я показала ему язык.

– Ты в курсе, что это противозаконно?

– Это было противозаконно несколько сотен лет назад.

Сейчас в мире нет некроманта, который на такое способен.

Анри хмыкнул.

– Вот как ты заговорила, женушка.

Я пожала плечами.

– К тому же, я не собираюсь делать это при свете дня на глазах скорбящих родственников.

На самом деле мне было не по себе. То, что я могу поднять мертвеца, еще не значит, что для меня это легко и просто. Это разрыв грани между мертвым и живым, обращение к силе, природа которой чужда нашему миру. Нечто похожее я испытала во время схватки с Евгенией. Теперь же оставалось только надеяться, что мне не придется «нырять» так глубоко, чтобы вытащить Джолин Эруа и заставить ее рассказать правду о последних днях Катарины Эльгер. По-хорошему, не факт, что вообще получится. Слишком долго она пробыла по ту сторону.

– Волнуешься? – Анри опустился рядом и приобнял меня за плечи.

– Ни капельки.

– Волнуешься, – заключил супруг и продемонстрировал свой браслет.

Ну и ладно!

– Ты можешь отказаться, Тереза.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что я дала слово.

– Ты дала слово лжецу и игроку, каких свет не видывал. – Анри нахмурился и привлек меня к себе так, словно не собирался отпускать. – Перед тем, как его приговорили, Эрик обещал уничтожить все, что мне дорого. Тогда меня мало волновали его угрозы, но сейчас, когда есть ты и Софи...

Я повернулась к мужу, заглянула ему в глаза.

– Он многое пережил, Анри. Он мог измениться. Особенно после того, что ему довелось испытать.

– Только не Эльгер.

– Ты сейчас говоришь так, потому что ненавидишь их всех.

От мужа повеяло холодом, и я прикусила язык.

Тем не менее Анри не отстранился, разве что черты лица его стали жестче, а уголки губ опустились.

– Дело не в этом, Тереза. Евгения и Эрик терпеть не могли друг друга с самого начала, как Симон представил своего наследника Лиге. Он ждал несколько лет, чтобы ударить ее побольнее.

– Он говорил, что Евгения подписала ему приговор.

– Это правда. Ее голос был решающим.

– Естественно, что он хотел отомстить.

– Естественно. Но я был тем, с помощью кого приговор привели в исполнение.

Я потерлась щекой о плечо мужа.

– Думаешь, он раскрыл бы нам свою тайну, если бы собирался мстить?

Анри покачал головой.

– Только поэтому и согласился. Но я до сих пор уверен, что это его очередная игра.

В дверь постучали: это был один из тех новомодных паровозов, попасть в купе которых можно только из вагона – все для удобства пассажиров. Впервые такая конструкция появилась в «Стреле Загорья». Анри говорил, что рано или поздно все поезда станут такими. Любому воришке гораздо проще попасть в купе с внешней стороны, чем пройти через вагон. И точно так же гораздо проще скрыться.

– Доставка чая! А так же любви и нежности специально для влюбленных.

Услышав голос Эльгера, мы подпрыгнули одновременно.

А потом ручка клацнула и Эрик шагнул в купе – сияющий, как новехонький антал. Муж взвился с сиденья подобно песчаному вихрю, следом вскочила и я.

– Ты что здесь делаешь, Эльгер? Мы договаривались встретиться в Тевинье.

– Договаривались, но мне стало скучно. И я решил поехать поездом, а не экипажем. Знаете ли, отбить себе пятую точку, ночевать в придорожных забегаловках – удовольствие ниже среднего. И вообще меня в последнее время укачивает в каретах. Возможно, из-за золотой мглы. Ты, кстати, ничего такого не чувствуешь?

– Изыди! – прорычал Анри.

Эрик укоризненно посмотрел на него.

– Разве так обращаются с партнерами? – Потом перевел взгляд на меня и добавил: – Спорим, вы сейчас говорили обо мне?

Не дожидаясь ответа, хитро подмигнул.

– Угадал!

Он устроился на диванчике, хлопнул себя по коленям.

– Ну что? Какой у нас план?

– Вышвырнуть тебя отсюда, – Анри уже пришел в себя и шагнул к Эрику, но я схватила его за плечо.

Не хватало еще драки в поезде.

– План простой. Вечером приезжаем в Ольвиж, ночуем в гостиницах.

– В разных, – подчеркнул Анри.

– Да ну тебя, – отмахнулся Эрик. – Думаете, я за вами следил?

Скептический взгляд мужа подсказал, что именно так он и думает. Я сложила руки на груди. Посмотрела сначала на одного – очень выразительно, потом на другого – и, убедившись, что новой перепалки не последует, продолжила:

– Утром едем в Тевинье, ближе к вечеру встречаемся у ворот городского кладбища. Поднимаем Джолин, ты ее расспрашиваешь, после чего мы благополучно расходимся и забываем друг о друге. Навсегда, маркиз. Договорились?

– Вряд ли я смогу когда-нибудь забыть о тебе, Леди Смерть.

Анри шагнул к Эрику, схватил за плечо и вздернул с ди-

ванчика.

– Проваливай. Из. Нашего. Купе.

Тот лениво сбросил его руку и прищурился. Они стояли друг напротив друга, и хотя Эльгер был намного ниже... ох, как же они в этот момент были похожи! Но если ярость мужа мне подсказывал браслет, то ярость Эрика звенела в напряженной тишине и отзывалась в каждом слове. Которые тот выговаривал изнурительно-медленно, в ритме движущегося по зною песков каравана:

– Переставай. Меня. Лапать, де Ларне. Или я забуду о том, что у нас перемирие.

– Так, все, хватит!

Влетев между ними, я вцепилась в Эрика и лично подтолкнула его к выходу. Почему-то мне казалось, что если его буду «лапать» я, он будет не против. А то еще и добавки попросит.

– Жду тебя через два дня, на городском кладбище Тевинье. И раздобудь лопату.

Приложив немного усилий, мне удалось все-таки оттеснить Эльгера к порогу, где муж уже успел распахнуть дверь.

– Лопату? – Тот приподнял брови. – Это еще зачем?

– Будете копать, маркиз.

– Раскапывать могилу?

– Закапывать Джолин. Откопается она сама.

– Закапывать? Я?

– Ну не я же. Без лопаты можешь не приходить.

Воспользовавшись замешательством, промелькнувшим в жемчужно-серых глазах, я решительно подтолкнула Эльгера в коридор, Анри с грохотом захлопнул дверь и повернул задвижку замка.

– С каждой минутой мне все меньше нравится эта затея, – негромко произнес муж.

Я не стала говорить, что мне тоже.

Тевинье представлял собой типичный провинциальный городок. Если бы не вязкий, удушающе-тяжелый запах от многочисленных фабрик, которые были натканы в нем буквально повсюду. От него на языке становилось солоно и хотелось прикрыть рот надушенным платком – иногда создавалось ощущение, что вдыхаешь неразбавленный горьковатый дым. Собственно, это было не только ощущение: смог стелился над засыпающим городом, над домами, в которых одно за другим гасли окна, напоминая не лучшие дни в Лигенбурге – когда ветер начинал дуть в твою сторону и приносил с собой горькие, тяжелые примеси неестественного аромата прогресса.

Городок был большой и продолжал строиться: видимо, рабочих силы сюда требовалось много и люди приезжали вместе с семьями. Помимо промышленности в Тевинье насчитывалось множество магазинчиков – разумеется, к вечеру уже закрытых, я усмотрела два парикмахерских салона и четыре лавки гробовщиков. Кладбище располагалось на окра-

ине, сразу за ткацко-прядильной фабрикой: мимо высокой ограды вела одна-единственная улочка – в приветливо распахнутые ворота, приглашающие в царство мертвых. Понятия не имею, что могло заставить нормального человека решиться переехать в Тевинье из Ольвижа. На ум ничего, кроме нужды, не приходило. Ну или возможно, Джолин к старости тоже стала не совсем нормальной.

Над воротами на ветру покачивался тусклый фонарь, тени от него ползали по стенам сторожки. За запыленным окном которой виднелась сутулая мужская фигура и огонек свечи. Я шагнула на грань и направила щупальца тьмы сквозь стекло, мягко заключая сторожа в кокон, вытягивая из него силы. Здесь нужно было быть очень осторожной, поэтому я вся взмокла, удерживая дорвавшуюся до жизни смерть. Сторож почувствовал разве что легкий озноб и головокружение, просто сполз на стол, и я тут же увлекла тьму назад. Биение его сердца за гранью ощущалось даже на расстоянии: жив. Завтра проснется и будет думать, что задремал.

Анри внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Я тоже промолчала: напряженная, как натянутая до предела струна. Неосторожно тронь – и сорвется.

Мы подошли к воротам: запертым на ночь, разумеется. Муж достал что-то из кармана и спустя миг уже толкнул передо мной калитку, пропуская вперед. Тяжелый замок остался висеть на прутьях, Анри же сложил руки на груди и на-

хмурился.

– Если этот гаденыш...

– Тьфу на тебя!

Я не подпрыгнула только потому, что так и не вышла с грани. А на ней движения становятся более медленными, смазанными, голоса – приглушенными. Поэтому невысокая светло-серая тень, скользнувшая к нам из-за жавшихся друг к другу деревьев, выглядела заторможенной.

– Чего такие мрачные? – Эрик оперся о лопату и похлопал меня по плечу. – Здесь, кстати, другой вход есть. Правда для этого нужно через заросший пустырь продираться, грязищи там по колено.

Он указал на перепачканные ботинки и брюки. На грани подсыхающая земля смотрелась серыми струпами.

– Веди, – холодно приказал Анри, прикрыл калитку и защелкнул замок.

Представляю, как мы смотрелись втроем: маркиз, граф и графиня ночью бодро вышагивают по ощерившейся выбоинами дорожке городского кладбища в Тевинье. Маркиз с лопатой, которая по ощущениям весит больше чем он сам, супружеская чета – с самыми темными намерениями и в отвратительном настроении. Да уж, отличный сюжет для любого журналиста. Они, наверное, в постелях сейчас волчками вертятся, не понимая, почему интуиция не дает покоя.

Могила Джолин располагалась в самом конце – там, где кованые ворота силились оттолкнуть обступающий кладби-

ще лес. Тщетно: деревья напоздали всем скопом, ветви тянулись сквозь прутья и над ними, как скрюченные пальцы мертвецов. Когда Эрик указал на невысокую, еще не покосившуюся от времени, плиту, я опустилась рядом с ней на колени и положила руки на землю. Пока что в перчатках.

Сквозь нависшие плотным саваном облака не удавалось просочиться даже слабому лунному свету, но мне все-таки удалось разглядеть выбитую надпись.

«Джозин Эруа, – значилось на камне, – женищине, посвятившей себя другим».

Ниже шли даты: в отличие от своей подопечной, сиделка дожила до глубокой старости.

– Простите, Джолин.

Вторгаться в покой человека, которого коснулась печать потустороннего мира, всегда чревато. Но сейчас я просила прощения именно у нее – у той, что еще несколько месяцев назад была жива. Там, где смерть повсюду, почувствовать одну оборвавшуюся жизнь сложнее. Особенно ту, что оборвалась не вчера. Для этого придется шагнуть немного глубже, чем обычно – возможно, и впрямь туда, где я «встречалась» с Евгенией.

Нечего тянуть.

– Анри, пожалуйста.

Муж протянул мне кинжал.

– Мне нужен круг, в котором останемся мы с Джолин. Вы будете по другую сторону. Что бы ни случилось, не нарушай-

те границу.

Противозаконным поднимать давно умерших считалось не просто по этическим причинам: не обладая достаточно сильной магией и точными знаниями, дел можно было на-творить на всю округу.

– У-у-у, страшно-то как, – сообщил Эрик.

– Страшно, – подтвердила я. – Здесь сотни мертвецов, и все они почувствуют кровь некромага во время заклинания призыва.

Эльгер вскинул руки, но лихорадочный блеск в глазах сполна выдавал его возбуждение. Вот только Эрик меня сейчас не заботил, я смотрела на Анри, и во взгляде мужа читался единственный вопрос: «Ты уверена?» Хотя может, там еще было что-то вроде: «Если нет, то я прямо сейчас сверну шею Эльгеру, мы вместе его закопаем и забудем все, как страшный сон».

Поймала себя на мысли, что еще чуть-чуть, и начну нервно хихикать, как дебютантка перед танцем с понравившимся кавалером.

– Анри? Обещай, что не прикоснешься ко мне, пока я по ту сторону.

– Обещаю, – негромко ответил муж.

И тогда я кивнула. Стянула перчатки, холод радостно впился в кожу, равно как и стальное лезвие, из-под которого на ладони выступила кровь. Печать Лаа'тхарта, отгораживающую царство мертвых от мира живых, я помнила наизусть.

Поднялась и пошла вокруг могилы, запирая нас с Джолин, рисуя узор. Отрезая не только от жизни, но и от смерти, что была повсюду. Моя кровь впитывалась в землю, соединяя меня с умершей. Волнение природы отразилось порывами ветра, швырнувшими в лицо пыль и сухие листья. Все вокруг противилось тому, что я делала. Все вокруг противилось моей магии и моей сути. Земля внутри печати взметнулась ввысь, замерла, а затем осыпалась. И тогда я перестала чувствовать холод.

Каждый раз, когда ее глаза застилала Тьма, Анри боялся того, что она не вернется. Каждый раз – с той проклятой ночи, когда едва успел вытащить ее с той стороны. Всякий раз, когда Тереза обращалась к магии, внутри что-то неуловимо натягивалось, а мгла бурлила в крови огнем. Если бы он мог избавить жену от страшной магии, которой ее наградила природа... но та давно стала ее сутью. Возможно, иногда она сама желала отказаться от Смерти, с которой засыпала и просыпалась, но сделать это, не причиняя ей боли, Анри не мог. Да и не был уверен, что Тереза готова к жизни обычной женщины.

Поэтому сейчас просто смотрел на то, как черные вихри срываются с тонких пальцев, уходят в землю корнями. Он чувствовал биение сердца – сильные, глухие удары, и в такт им пульсировал на запястье браслет, от которого по руке растекался холод. Тереза стояла к нему лицом, но смотре-

ла сквозь, если вообще что-то видела. Порыв сильного ветра хлестнул ее по лицу, срывая капюшон и отбрасывая за спину, но она этого не заметила. Даже не пошевелилась, замершая словно в трансе. Волны силы, расходящиеся от нее, чувствовались и в мире живых, но теперь Анри понимал, о чем она говорила: близость смерти тянулась по коже липким склизким холодом. Казалось, что земля вибрирует под ногами, что сотни упокоившихся на кладбище сейчас просыпаются – независимо от того, сколь долгим был их сон. И от этого волосы вставали дыбом, а мгла начинала жечь кровь, словно в сосуды заливали раскаленный металл.

– Твоя женушка – настоящее сокровище, де Ларне, – опираясь о черенок лопаты, Эльгер смотрел на Терезу. Положив ладонь на подбородок, слегка прищурился, словно пытаясь почувствовать то, что чувствует она. Или увидеть Смерть ее глазами. – Но ты ведь и так это знаешь, правда?

– Что тебе нужно? – холодно спросил Анри.

– Кажется, мы это уже обсудили. Узнать, как умерла Катарина Эльгер.

Холеные пальцы легко постукивали по черенку.

– Зачем?

– А вот это уже не твое дело, солнечный мальчик.

Его губы дрогнули, лишь на миг обнажая хищную сущность.

Он не собирался задавать вопрос, он вообще не собирался с ним разговаривать, но слова сами сорвались с губ: возмож-

но, именно потому, что глаза жены напоминали бездонные провалы небытия. Потому что именно ради нее отчаянно, безумно и невероятно остро хотелось жить. Ради нее и с ней.

– Что ты чувствуешь, когда просыпается мгла?

– Хочешь узнать, не становится ли мне плохо? – Эрик улыбнулся. – Не сгораю ли я в собственном огне, не идет ли носом кровь, не дрожат ли пальцы, не хочется ли рухнуть без сознания?

Анри спокойно встретил и его взгляд, и издевку.

– Нет, – припечатал Эльгер. – Твоя сила любит меня, де Ларне.

Подумать о случившемся он не успел: земля под ногами Терезы шевельнулась, из-под нее донесся глухой стук. Озноб усилился, теперь не только рука напоминала ледяную плеть, но и грудь – сгусток холода. Хотелось шагнуть в круг, вытащить ее из потустороннего царства, и увести отсюда как можно скорее, но он помнил и о ее словах, и о своем обещании. Стук и скрежет усилились, теперь уже они оба не отрываясь смотрели на вздыбившиеся вокруг могилы комья. Время замерло, а может быть, наоборот летело слишком быстро – до той минуты, когда сквозь черную толщу показались скрюченные белые пальцы.

Кое-где лишенные плоти, фаланги загребали землю, и она тонкими струйками утекала вниз. Сначала показалась голова: восковая кожа стекала с лица лоскутами, глаза выпирали из глазниц. Лохмотья одежды прикрывали то, что когда-то

было телом сухой пожилой женщины. Согнувшись, словно от непосильной ноши, зомби с утробным прерывающимся рычанием бросилась к Терезе. Анри шагнул вперед, но покойница словно наткнулась на невидимую преграду и завывала, бессильно скалясь в лицо его жены.

– Джолин Эруа. – Родной голос сейчас звучал так, словно они оказались под водой: глухо, безжизненно, блекло. Плеть тьмы удавкой захлестнулась вокруг головы зомби. – Ты подчиняешься мне все время, что будешь по эту сторону жизни, и ты будешь говорить через меня. Ты расскажешь о последних днях Катарины Арсель Эльгер, герцогини де ла Мер. Ответишь на все вопросы ее сына, а после вернешься туда, откуда пришла.

Рык перешел в прерывающийся приглушенный вой, который спустя миг затих окончательно. Лохмотья поползли вниз, вслед за согбенной фигурой, когда покойница ткнулась головой в землю у ног Терезы, в знак смирения.

Жена повернулась к Эрику и произнесла:

– Спрашивай.

– Подержи, – Эльгер отшвырнул лопату к нему, сам шагнул ближе. – Я хочу знать, что случилось в ночь смерти моей матери. Как она умерла.

Зомби повернула голову – слишком резко, молниеносно, уставилась на него пустыми глазницами. С разъявленной безъязыкой пасти сорвалось не то чавканье, не то шипение. А вот Тереза заговорила – прерывающимся, хриплым голо-

сом. Не своим.

– Исповедник... он отказался позвать ей исповедника... хотя я говорила. Я говорила о том, что так нельзя. Негоже это. Не по-человечески. Даже... для прелюбодейки...

– Почему?

Кукла запрокинула голову, и залаяла, по кладбищу эхом разнесся леденящий душу смех Терезы, отражающий пустоту покойницы.

– Не знаю. Этого он мне не сказал. Не сказал... Он вообще запретил о ней говорить. Запретил... – Зомби коснулась костяшками облезшего черепа со свисающими с него клочьями волос. – Нико-ому... Во-от так... моя голова взорвалась бы. Взорвалась бы, если бы я заговорила...

– Ментальный блок, – хмыкнул Эрик и сунул руки в карманы. Глаза его блестели, но лицо было напряжено: это выдавали заострившиеся, вмиг ставшие жесткими черты.

– Но теперь я могу. Мно-огое... Мадам Флао, ваш сын не придет, ему на вас наплевать!

– Это еще что?

– Обрывки воспоминаний, – сказала Тереза. Лицо ее по-прежнему оставалось бесстрастным, а взгляд был устремлен в никуда. – Из больницы, где Джолин работала, видимо. Она слишком давно умерла, я предупреждала.

– Что произошло в ту ночь? Что случилось с Катариной?

– Жар... жар, жар, жар... она сгорела.

– Ты сейчас говоришь о золотой мгле? Сила хэандаме? –

прищурившись, Эльгер шагнул еще ближе, почти коснувшись носками круга.

– Внутренний огонь... внутренний огонь... Она умирала и звала его. Но он не пришел.

– Моего отца? Симона Эльгера, герцога де ла Мера, она звала его?

– Того, кого любила. Любила... не-ет... – голова зомби запрокинулась под неестественным углом. – Она не любила... его... Она любила... другого...

– Кого она любила? Назови имя.

– Ад... Ад... ад повсюду. Он везде, и zde-есь... в этой комнате, только ад. Грустная, грустная, грустная, какая же она грустная... все время говорит о сыне, которого потеряла.

– О чем ты говоришь, демоны тебя раздери?

– Не-ет... я не могу говорить... моя голова взорвется... Месье Лурнье, это чепуха, ваша соседка давно мертва, так же, как и ее пес, он не мог вас покусать.

Анри чувствовал дрожь, расходящуюся по телу. Дрожь от страшных усилий, которые приходилось прилагать жене. Немалого труда стоило оставаться на месте, пальцы до боли сдавили кожу даже сквозь плотную ткань сюртука и рубашки. Тереза запрокинула голову, словно пытаясь вдохнуть полной грудью, текущая с пальцев тьма подрагивала, словно кто-то невидимый играл на этих жутких струнах.

– Эрик, она ускользает, спрашивай быстрее.

Эльгер опустился на одно колено, почти вплотную к по-

койнице. Сейчас он стоял лицом к лицу с зомби.

– Кого. Любила. Моя. Мать. Назови мне имя, ты, демонова трупятина!

Та тоже подалась вперед. Еще чуть-чуть – и они поцелуются.

– Назови... назови... сам...

А потом зомби затряслась, словно ее насаживали на невидимые колья.

– Пятая половица справа... пятая половица справа... пятая половица справа...

И без сил рухнула лицом в землю.

Эрик выругался. Грязно.

Тереза вздрогнула всем телом, вскинула руку, предупреждая его следующий шаг.

– Не подходи. Пока еще рано. – И Анри замер.

Его трясло так же, как сейчас трясло жену, тем не менее он чувствовал, как закрывается переход между мирами – мертвых и живых. Стих ветер, природа больше не беспокоилась, растревоженная страшной неестественной силой. Больше не было чувства, что вот-вот из-под земли появится армия мертвецов, и загребая ногами, отправится в наступление на ничего не подозревающий спящий город. Черная крошка взметнулась ввысь, вихри магии подхватили обмякшее тело, погружая Джолин туда, откуда она пришла, с негромким стуком захлопнулась крышка гроба. Земля осыпалась, последние полотнища тьмы растаяли в воздухе, глаза Терезы очи-

стились, взгляд стал ясным. Тогда она сама разорвала круг, шагнула к нему и буквально упала на руки – Анри едва успел подхватить, прижимая к себе и согревая.

– Все закончилось, маленькая. Все.

Она раскрыла глаза – с расширенными во всю радужку зрачками, немного безумно посмотрела на него, словно не узнавала. Анри протянул платок, но она покачала головой, вычерчивая на ладони исцеляющий узор сочащейся из глубокого пореза кровью. Рана затянулась на глазах, а Тереза повернулась к Эльгеру. Он так и стоял на одном колене, глядя на раскрытую пасть могилы. Погрузил пальцы в рыхлую землю, словно не мог поверить, что все закончилось.

– Мне очень жаль.

Эрик обернулся, взгляд его пылал злобой: той самой, что спонтанно разгорается в самом сердце безумия.

– Мне не нужна твоя жалость, Леди Смерть. – Голос его дрожал от гнева. – Слышишь?

– Мне жаль, что ты так и не узнал ничего, что может тебе помочь. – Произнесла Тереза негромко. И добавила, обращаясь уже к Анри: – Пойдем.

Он мягко привлек ее к себе, поддерживая. И они вместе зашагали по дорожке, ведущей к воротам.

бок, а потом, чтобы не разбудить Анри, устроилась на подоконнике и глядела на узенькую мощеную улочку, петлявшую между домами. Гостиный дом, в котором мы остановились, был небольшим и скромным, но нам совсем не хотелось афишировать наше присутствие. Поэтому и выбрали его, тем более что задерживаться в Тевинье не планировали. Сейчас рассветет, позавтракаем внизу и найдем экипаж до Ольвижа. А оттуда на вокзал и сразу домой.

Низкое небо разразилось слезами дождя, пока еще слабого, словно тщетно сдерживаемые рыдания. Я подавила желание прижаться щекой к стеклу, поежилась, но слезать и идти за халатом не хотелось. Поэтому просто подтянула колени к груди, глядя как со скрежетом тащится под окнами повозка молочника. Унылая лошадь едва переставляла ноги – старенькая, как и правящий ей человек.

– Давно ты так сидишь?

Я вздрогнула. Все-таки с умением Анри подкрадываться незаметно мало кто сравнится.

– Не очень.

– Замерзла? – Голос мужа был хриплым.

Он набросил мне на плечи халат, заворачивая в него чуть ли не с головой – теперь оттуда торчала только моя макушка и нос. Сильные ладони легли на плечи, поглаживая и согревая.

– Не могу перестать думать про Эрика.

Анри нахмурился.

– Он потерял мать, но даже не знает, как она умерла. Это... страшно.

Образ сына Эльгера, стоявшего на коленях на промерзшей земле, не шел из головы. И что с этим делать, я не представляла.

– Иногда знать гораздо страшнее.

Леди Николь и лорд Адриан.

Мой отец.

Он прав.

– Кто я, Анри? И кем был Дюхайм? Может быть, таким как мы, не стоит жить в этом мире?

– Это вряд ли.

– Не уверена.

Я знала о некромагии все или многое... или мне так казалось. Но последний год перетряхнул мою жизнь, мои представления о том, кто я есть. О том, что я. Сначала страшный приступ в Лавуа, последствия которого в окрестностях замка Ларне уже давно развеял ветер. Потом стычка с Евгенией, когда я заглянула в самое сердце Смерти, когда я сама была ею. И наконец Джолин. Она оказалась дальше, чем я предполагала – за гранью, в бесконечном потоке серых струпьев тлена и пустоты. Но мне не составило труда туда шагнуть, больше того – пальцы дрожали от предвкушения, нанизывая на нити небытия все новые и новые бусины. Мир живых с радостью меня отпускал, тогда как мертвые охотно принимали в свои объятия. А я не чувствовала себя среди них чу-

жой, хотя мое сердце по-прежнему билось. Чем дальше, тем тише. Реже. Словно выбирая миг, чтобы остановиться.

– Тереза, я никому тебя не отдам. Даже твоей Смерти.

– Думаешь, ты сможешь ее удержать?

Закусила губу, но поздно: лица Анри коснулась тень. Та самая, значение которой мне было очень хорошо знакомо.

– Я сама не знаю, смогу ли. Иногда не уверена, что получится оттуда вернуться... прежней.

– Но ты всегда возвращалась.

– Из-за тебя. Там, в Шато ле Туаре, я почувствовала тебя, твою жизнь. Только поэтому смогла остановиться.

– Ты остановилась, потому что ты – это ты, Тереза. Я в жизни еще не встречал такой силы. И речь сейчас не о магии.

Крупные капли уже всю барабанили в окно, размазывая по нему пыль. Над городом сгустились тучи и расползаться не собирались. Летом в такое время уже рассвет, но сейчас нам еще несколько часов предстояло коротать в темноте. Анри подхватил меня на руки и отнес на кровать. Закутавшись в одеяло, мы прижались друг к другу. От наволочек пахло застиранным хлопком, чистотой, а от верхнего утепленного покрывала – старой шерстью. Муж взял мои руки в свои, мягко перебирая пальцы, притянул поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.